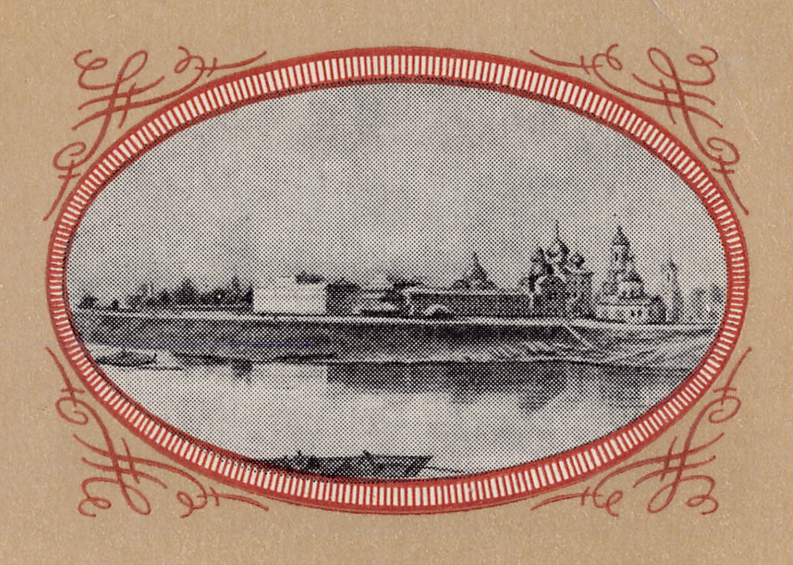

Л. Черейский

ПУШКИН И ТВЕРСКОЙ КРАЙ

Л. Черейский

ПУШКИН И ТВЕРСКОЙ КРАЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Московский рабочий
1985

8Р2
Ч46

Рецензенты
В. Вацуро, С. Овчинникова

Черейский Л. А.

Ч46 Пушкин и Тверской край.— Калинин: Моск. рабочий, Калинин. отд-ние, 1985.— 143 с.

А. С. Пушкин не раз посещал Тверской край. Здесь он создал целый ряд произведений, встречался с людьми, с которыми его связывали дружеские и деловые отношения.

Эта книга — о тверских знакомых великого русского поэта, а также о тех из его окружения, кто так или иначе был связан с Тверью. Многие из них оставили заметный след в творчестве А. С. Пушкина.

Адресуется широкому кругу читателей.

Ч $\frac{1905040000—122}{М172(03)—85}$ 140—85 8Р2

СОДЕРЖАНИЕ

О, где б судьба ни назначала
Мне безыменный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей... [1]

А. С. ПУШКИН.
Из «Путешествия Онегина»,
с. Павловское, 1829

ТВЕРСКОЙ КРАЙ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА

Древняя тверская земля (ныне Калининская область) тесно связана с жизнью и творчеством великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Привлекали его здесь большие исторические события давних времен, памятные по «Истории государства Российского» Карамзина. Вслед за Радищевым поэт наблюдал в этих местах и печальную действительность России — бесправное положение народа, стонущего под гнетом самодержавия.

Живописная природа Верхневолжья, раздолье полей, красота лесов, озер и рек, особенно Волги с ее «гордыми берегами», малые города и деревушки с помещичьими усадьбами — все это было Пушкину памятно и дорого.

Здесь у него было много знакомых, приятелей, поклонников, друзей. К ним он приезжал из «свинского» и суетного Петербурга. В общении с ними он отдыхал и набирал силы для своих творческих занятий.

В Тверской губернии Пушкин создал отдельные главы «Путешествия из Москвы в Петербург», строфы «Евгения Онегина», незавершенный «Роман в письмах» и многие шедевры лирики.

По значительной части Тверской губернии проходила «государева дорога», соединявшая новую и старую столицы — Петербург с Москвой.

Впервые юноша Пушкин познакомился с этой дорогой в июле 1811 года, когда его повезли из Москвы в Петербург для определения в Царскосельский лицей. Последний раз он проезжал по ней летом 1836 года, возвращаясь из Москвы в Петербург. Около тридцати раз его путь лежал через тверские места. Это были поездки не только по казенной и личной надобности. Поэт любил путешествовать по России, и, по собственному признанию, это было с детских лет его мечтою. Дорожные впечатления нашли большое отражение и в творчестве Пушкина.

Петербургско-Московский тракт шел через Чудово, Новгород, Валдай, а в пределах Тверской губернии — через Вышний Волочек, Выдропужск, Торжок, Медное, Тверь, Городню и далее на Москву.

Проследим поездки Пушкина по Тверскому краю:

Июль 1811. Из Москвы в Петербург.

Сентябрь 1826. Из Михайловского в Москву.

Октябрь 1826. Из Москвы в Михайловское.

Декабрь 1826. Из Михайловского в Москву.

Май 1827. Из Москвы в Петербург.

Октябрь 1828. Из Петербурга в Тверскую губернию.

Ноябрь 1828. Из Тверской губернии в Москву.

Январь 1829. Из Москвы в Тверскую губернию.

Январь 1829. Из Тверской губернии в Петербург.

Март 1829. Из Петербурга в Тверскую губернию.

Март 1829. Из Тверской губернии в Москву.

Октябрь 1829. Из Москвы в Тверскую губернию.

Ноябрь 1829. Из Тверской губернии в Петербург.

Март 1830. Из Петербурга в Тверскую губернию.

Март 1830. Из Тверской губернии в Москву.

Июль 1830. Из Москвы в Петербург.

Август 1830. Из Михайловского в Москву.

Май 1831. Из Москвы в Петербург.
Декабрь 1831. Из Петербурга в Москву.
Декабрь 1831. Из Москвы в Петербург.
Сентябрь 1832. Из Петербурга в Москву.
Октябрь 1832. Из Москвы в Петербург.
Август 1833. Из Петербурга в Тверскую губернию.
Август 1833. Из Тверской губернии в Ярополец.
Октябрь 1834. Из Петербурга в Москву.
Ноябрь 1834. Из Москвы в Петербург.
Май 1836. Из Петербурга в Москву.
Май 1836. Из Москвы в Петербург.

Шесть раз Пушкин гостил в Тверской губернии: осенью 1828, в январе, весной и осенью 1829, весной 1830 и в августе 1833 года. Останавливался он в Твери, Торжке, Старице. Гостил у старицких друзей Вульфов в их поместьях: Малинниках, Павловском, Бернове, наезжал в Курово-Покровское и, по-видимому, в Соколово. Бывал он в Митине и Грузинах близ Торжка, Погорелом Городище около Зубцова и в Мологине Старицкого уезда.

Поездки Пушкина через тверские земли нашли отражение в «Путешествии Онегина»:

Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок,
Здесь покупает туфли, там
По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки,
Мелькают версты, ямщики
Поют, и свищут, и бранятся...

Эти стихи написаны осенью 1829 года в селе Павловском Тверской губернии.

Поездки из Петербурга в Москву в те времена длились до трех и более суток, в зависимости от способа передвижения. Ездили на перекладных или почтовых — казенных

лошадях, которых меняли на почтовых станциях; на долгих, когда ехавший в собственной или нанятой у ямщиков карете передвигался в ней «от места до места». Это было медленней, но дешевле. Так, например, Татьяна Ларина ехала в Москву на своих лошадях. Для передвижения на почтовых лошадях требовалась подорожная, в которой обозначались фамилия едущего, маршрут, надобность, то есть цель поездки, и число лошадей, соответствующее чину или званию.

Пушкину — чиновнику 10-го класса (коллежский секретарь) полагалось только три лошади. Обычная скорость езды была около 100—150 верст в сутки.

Вот текст подорожной, выданной Пушкину на поездку из Петербурга в Москву и далее в Тифлис:

«Почтовым местам и Станционным Смотрителям от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно.

Г. Чиновнику 10 класса Александру Сергеевичу Пушкину, едущему от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно, предписываю Почтовым местам и Станционным Смотрителям давать означенное в подорожной число почтовых лошадей без задержания, и к проезду оказывать всякое содействие. Марта 4 дня 1829 года.

Санкт-Петербургский Почтдиректор
Константин Булгаков» [2].

Цена за проезд из Петербурга в Москву в заведенных в начале 1820-х годов многоместных каретах-дилижансах составляла, в зависимости от удобств, от 60 до 100 рублей.

Круг тверских знакомых Пушкина был весьма широк. С одними он встречался на тверской земле, других, тесно связанных с Тверским краем, он знал и помнил еще по Петербургу, Москве, Одессе. Это литераторы и художники, мелкопоместные дворяне и уездные барышни, уланы из расквартированных в губернии полков и люди из народа. И столь же многообразны были отношения поэта с этими

людьми. Окружение поэта органически входит в его биографию и творчество, и наше понимание его литературного наследия во многом зависит от того, насколько мы знаем среду, в которой он жил и работал.

Среди большого числа знакомых Пушкину тверских помещиков — Понафидиных, Вельяшевых, Полторацких, Миллеров, Юргеневых — наиболее близка поэту была семья Вульфов. В их старицких имениях, расположенных по берегам реки Тьмы и ее притока Нашиги, он гостил, часто наезжая в Тверскую губернию.

Интересна судьба вульфовских имений. По словам тверского краеведа И. А. Иванова, «Вульфы не были природными старицкими помещиками — они переселились сюда из Псковской губернии». До XVI века старицкие земли принадлежали семье Бернова, несколько позднее большая их часть перешла к стольнику Алексею Ивановичу Калитину. В 1726 году, согласно официальному документу, «за издержанные последним без указа казенные деньги 2229 рублей», а также за невыполнение подряда (он обязался засадить липами всю дорогу от Петербурга до Москвы) принадлежавшие ему имения в Ровенском, Новоторжском и Старицком уездах были отобраны в казну и затем переданы камер-юнкеру капитан-поручику Петру Гавриловичу Вульфу, старицкому уездному предводителю дворянства, в 1787 году.

П. Г. Вульф за переданные ему казной 24 000 десятин земли с крестьянами заплатил всего лишь 500 рублей. Устроителем усадьбы стал его сын Иван Петрович. Еще при жизни И. П. Вульфа (1741—1817) — орловского губернатора, сенатора, строителя нескольких крепостей, а также Мариинской и Тихвинской водных систем — старицкие земли перешли к его детям. Обширная вотчина была раздроблена, и образовались отдельные «вульфовские гнезда» [3].

Владельцами их стали: села Бернова с 579 душами

крепостных обоего пола — Иван Иванович Вульф, сельца Павловского с 554 душами — Павел Иванович, сельца Соколова с 608 душами — Петр Иванович, сельца Малинники с 598 душами — Николай Иванович (1771—1813), а после смерти последнего — его жена Прасковья Александровна, во втором браке Осипова. Федору Ивановичу (умер в 1820 году) досталось село Нивы, Наталье Ивановне, по мужу Вельяшевой,— деревня Патраково и сельцо Васильки, Анне Ивановне, по мужу Понафидиной,— сельцо Курово, Екатерине Ивановне, по мужу Полторацкой (1781—1852), матери А. П. Керн,— деревня Кушниково [4]. Все они располагали и другими имениями в Старицком и прочих уездах Тверской губернии.

Жизнь поэта у старицких Вульфов, по-видимому, в некоторой степени нашла отражение в «Романе в письмах». «Что касается до меня,— пишет Владимир своему другу,— я совершенно предался патриаршеской жизни: ложусь спать в 10 часов вечера, езжу на порошу с здешними помещиками, играю с старухами в бостон по копейке и сержусь, когда проигрываюсь...» Чуть раньше он же пишет: «Отдыхаю от петербургской жизни, которая мне ужасно надоела. Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру. Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет».

Не следует, однако, думать, что Пушкин не осуждал праздную жизнь своих знакомых, многие из которых жестоко обращались с крепостными. «Эти господа не служат и сами занимаются управлением своих деревушек, но признаюсь, дай бог им промотаться, как нашему брату»,— гневно писал поэт в том же «Романе в письмах».

Образ жизни местных помещиков запечатлен и в «Дневнике» А. Н. Вульфа. «Все они съезжались раза два в неделю проводить время или в рассказах о своем хозяйстве, которым ни один порядочно не занимается, или в

неразорительной игре в вист. Мало занимаясь тем, что делается за границею их имений, проводят они дни в спокойной бездеятельности. Не получив в молодости порядочного воспитания и живши всегда почти в деревне, они очень отстали своим образом мнений от настоящего поколения...» [5]

Привлекали Пушкина уездные барышни, дочери Вульфов и соседних помещиков. «Все они,— по словам А. Н. Понафидиной,— были влюблены в его произведения, а, может быть, и в него самого. Стихотворения и поэмы переписывали они в свои альбомы, перечитывали их и до старости любили декламировать чуть не со слезами на глазах, со свойственной тому времени сентиментальностью» [6].

В «Романе в письмах» поэт с искренней симпатией отозвался о милых его сердцу провинциальных девушках, для которых он был кумиром. «Теперь я понимаю,— пишет Лиза Саше,— за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика». В «Барышне-крестьянке» эта шутка развернута в целую картину: «Те из моих читателей, которые не живали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохою в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание».

Среди знакомых Пушкина на тверской земле были также офицеры уланских полков, расквартированных в Тверской губернии: в Торжке стоял уланский великого князя Михаила Павловича полк, в Старице — Оренбургский уланский, в Зубцове — Ямбургский уланский и в Бежецке — Сибирский уланский полк. В Твери находи-

лись 1-я уланская дивизия и конно-артиллерийские роты № 9 и 10, а также внутренний гарнизонный батальон [7].

Поэт упоминает об уланах в своих письмах из Малинников и Павловского. В письме от 21 августа 1833 года, вспоминая былые времена, Пушкин сообщал жене: «Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями...» И в «Романе в письмах» одна из героинь, Лиза, писала своей подруге о «толпе гостей, уланских мундиров и дам» на именинах у своих знакомых. Известно нам о встречах Пушкина у Вульфов с полковником Кусовниковым, подполковником Юргеневым, майором Гладковым, штабс-ротмистром Максутовым, поручиком Писаревым, корнетом Миллером. По-видимому, поэт был знаком и со многими другими офицерами.

Любопытно, как «распределяются» помещики — знакомые Пушкина по уездам Тверской губернии.

1. В Бежецком — 9 семей.
2. В Весьегонском — 6.
3. В Вышневолоцком — 8.
4. В Зубцовском — 4.
5. В Калязинском — 5.
6. В Кашинском — 3.
7. В Корчевском — 9.
8. В Новоторжском — 15.
9. В Осташковском — 3.
10. В Ржевском — 8.
11. В Старицком — 31.
12. В Тверском — 16.

Наибольшее число этих помещиков владело имениями в Старицком и Новоторжском уездах, и Пушкин в свои приезды к Вульфам, Понафидиным и Полторацким мог встречаться на тверской земле также и со своими петербургскими и московскими знакомыми.

Люди из народа... Безвестные, почти безымянные, они тоже оставили заметный след в жизни великого поэта и на многие годы сохранили добрую память о нем.

Со слов местных крестьян — Бородина, Кудрявцевой, Сизова, Емельянова и других записаны в конце прошлого века их небольшие, но ценные воспоминания о встречах и беседах с Пушкиным.

По словам Бородина, поэт часто разговаривал с дворовыми и крепостными, они его «также не чуждались и любили с ним беседовать». Александр Сергеевич, рассказывала Кудрявцева, был прост в обращении с людьми и любил беседовать с ними на базарах и гуляньях.

Пушкина привлекала крестьянская жизнь. В знаменитых строках «Путешествия Онегина», созданного в Павловском, он писал:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой.

В литературе о Пушкине часто приводятся легенды о посещении поэтом многих мест в Тверском крае: Чукавина, Коноплина, Никитского и других. Эти легенды порой не имеют ничего общего с историческими фактами. Так, например, усадьба Коноплино приобретена И. И. Лажечниковым лишь в 1835 году, а Пушкин, как известно, последний раз гостил в тверских местах в 1833 году.

Расскажем о посещении поэтом села Погорелое Городище.

В «Журнале 85-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 27 ноября 1901 года» опубликованы интересные материалы, связанные с пребыванием Пушкина в Тверском крае. «В Погорелом существует предание о посещении его А. С. Пушкиным. Поэт разыскивал материалы для «Истории Пугачевского бунта», касающиеся одного

из участников его, Долгополова. С этой целью он был во Ржеве и Погорелом; в Погорелом нашел... грамоту царя Михаила Федоровича и дал совет бережно хранить ее. С тех пор погореляне поместили грамоту в рамку и повесили в заседании посадского управления».

Посещение Пушкиным Погорелого Городища не предание, а факт. В одном из набросков предисловия к «Борису Годунову», помеченном 30 января 1829 года, Пушкин писал: «Гаврила Пушкин — один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик... Он был всем, чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он сжег (в наказание за что-то)».

Гаврила Григорьевич Пушкин (умер в 1630 году) — думный дворянин, один из ближайших соратников Лжедмитрия I. Ему было велено в 1617 году сжечь острог в Погорелом Городище. Гаврила же не только острог сжег, но и «посадских людей дворы и животы все погорели...». В упоминаемой Пушкиным царской грамоте от 15 июля 1621 года для обзаведения хозяйством посадские люди были на пять лет освобождены от всяких податей.

Пушкин мог посетить Погорелое Городище осенью 1828 года и в первые месяцы 1829 года. В те времена этот посад на реке Держе, при впадении в нее речки Горенки, входил в Зубцовский уезд Тверской губернии. Это был небольшой посад со 137 дворами, тремя улицами и пятью переулками. До разорения Погорелое Городище было городом, носившим название Держиславль.

Местным помещиком был Федор Ильич Ладыженский. С его родственником Евграфом Семеновичем Ладыженским Пушкин был близко знаком по Псковской губернии и, возможно, посетил Погорелое Городище по его совету.

Творчество Пушкина на тверской земле многообразно.

В Малинниках и Павловском он создал около двадцати художественных произведений. Среди них такие шедевры, как «Анчар», «Зимнее утро», «Зима! что делать нам в деревне...», «Цветок», посвящение к «Полтаве», отдельные строфы седьмой главы «Евгения Онегина», «Роман в письмах». Конечно, в каждом из этих произведений обобщен опыт всей жизни поэта, и все же можно думать, что непосредственные впечатления, полученные на тверской земле, отразились в творчестве Пушкина. «Почвою поэзии Пушкина,— по словам Белинского,— была живая действительность».

Живописные места на реке Тьме мы узнаем в известных стихах:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

В незаконченном «Романе в письмах» описаны быт и нравы помещичьих усадеб. В отце — «балагуре и хлебосоле», матери — «толстой, веселой бабе, большой охотнице до виста» и дочке — «девушке лет семнадцати, воспитанной на романах» мы узнаем черты Вульфов, Вельяшевых, Понафидиных. И вид села Павловского напоминает строки из «Романа в письмах»: «Деревня наша очень мила. Старинный дом на горе, сад, озеро, кругом сосновые леса, все это осенью и зимою немного печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем».

Осенью 1828 года Пушкин привез в Малинники черновую рукопись «Полтавы». Здесь он завершил поэму и написал к ней посвящение, не называя адресата:

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Кому посвятил Пушкин этот гимн любви, созданный в далеких Малинниках? Обычно, и до последнего времени,

адресатом посвящения считали Марию Николаевну Волконскую, урожденную Раевскую, добровольно последовавшую за мужем-декабристом в Сибирь. «Твоя печальная пустыня» и «Сибири хладная пустыня» (в черновиках), по мнению П. Е. Щеголева, и есть сибирская каторга Волконских.

Между тем все это нельзя понимать буквально, и выдающийся пушкинист нашего времени Б. В. Томашевский не без основания полагал, что эти строки «имеют скорее метафорический смысл, чем значение географического порядка».

Существует другая версия, согласно которой Пушкин имел в виду А. А. Оленину.

Адресат посвящения «Полтавы» до сего времени окончательно не установлен. Эту существенную для изучения жизни и творчества Пушкина проблему надо решать совместными усилиями текстологов и биографов поэта.

Со старицкими местами мемуаристы и тверские краеведы связывают рождение замысла драмы «Русалка». Еще в конце прошлого века сын владельца Бернова Н. И. Вульф сообщил В. И. Колосову предание, что сюжет «Русалки» Пушкину подала судьба дочери одного «мельника их имения». Об этом вспоминала и А. Н. Понафидина. И в недавней находке — письме С. Д. Полторацкого к Александру Алексеевичу Раменскому от 10 июня 1845 года утверждается, что Алексей Алексеевич Раменский (брат адресата письма) «во время своих прогулок с Пушкиным вокруг Бернова» рассказал поэту «трагическую историю о гибели одной девушки, обманутой одним из дедов Вульфа, которая утопилась в омуте на реке Тьме». Пушкин сказал Раменскому, что «обязательно напишет об этой девушке...» [8].

Однако этот разговор не мог состояться ранее осени 1829 года, а замысел «Русалки» относится, по свидетельству С. П. Шевырева, к 1826 году. Из дневниковой записи друга Мицкевича Франтишка Малевского от 19 февраля

1827 года узнаем, что Пушкин рассказывал в кругу московских литераторов сюжет задуманной им драмы «Мельник» (название «Русалка» дано редакторами журнала «Современник» в 1837 году) [9]. Свою драму Пушкин писал в конце 1829 года, осенью 1830 и в апреле 1832 года.

В марте 1829 года поэт вписал в подаренную А. А. Раменскому книгу «Айвенго» четверостишие из первого варианта «Русалки», написанное в ноябре 1826 года:

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора,
Уйти опять в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.

По мнению известного пушкиниста Т. Г. Цявловской, «ощущение радости, которую поэт испытал, вырвавшись из Петербурга и очутившись среди природы, как нельзя лучше передавалось этими стихами» [10].

Таким образом, «берновская легенда» о возникновении замысла «Русалки» скорее всего возникла позже, чем сама драма, напечатанная в 1837 году. Самоубийство обесчещенной девушки из народа — сюжет весьма распространенный в разных губерниях крепостнической России. По-видимому, нечто подобное случилось и в Тверском крае; ведь Пушкину даже показывали место происшествия — омут на реке Тьме и остатки разрушенной мельницы.

И можно не сомневаться, что услышанные поэтом в Бернове рассказы о трагедии дочери местного мельника укрепили в нем сознание необходимости завершить драму.

Возможно, стихи, написанные в ноябре-декабре 1829 года, отражают увиденное Пушкиным в октябре этого года на реке Тьме:

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —
Вот мельница! Она уж развалилась;
Веселый шум ее колес умолкнул;

Стал жернов — видно, умер и старик...
Тут садик был с забором, неужели
Разросся он кудрявой этой рощей?
Ах, вот и дуб заветный...

Пушкинские места Калининской области объявлены историко-природным заказником. Организованы музеи Пушкина в Торжке и Бернове. В честь поэта установлены памятники и мемориальные доски...

Создано большое Пушкинское кольцо, которым объединены места, связанные с именем поэта: Калинин, Торжок, Грузины, Митино, Прутня, Старица, Малинники, Берново, Павловское, Курово-Покровское. Ежегодно здесь устраиваются литературные праздники, привлекающие десятки тысяч людей. Пушкинские места Верхневолжья по праву обрели ранг национальной святыни.

Предлагаемая читателю книга, кроме вступительной статьи, состоит из двух глав: «Встречи на тверской земле» и «Знакомые Пушкина, связанные с Тверским краем». В первой из них, как видно из заглавия, рассказывается о тех, у кого Пушкин гостил, с кем встречался во время своих приездов в Тверскую губернию. Во вторую главу включены статьи о петербургских, московских и одесских знакомых поэта, служивших в Тверской губернии (Крылов, Лажечников, Коншин), уроженцах этих мест (Плетнев, Куницын, Уткин), тверских помещиках (Великопольский, Полторацкие) и т. д.

ВСТРЕЧИ НА ТВЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ

БЕКЛЕШОВА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА

(около 1805—1864)

Падчерица П. А. Осиповой, дочь ее второго мужа. Росла и воспитывалась в Тригорском вместе с дочерьми Прасковьи Александровны.

Поэт познакомился с ней в свой первый приезд в Михайловское (1817) и сблизился с Сашенькой, как и со всем семейством Осиповых — Вульфов, в годы михайловской ссылки [11]. В соседнем Тригорском вечно стоял «праздный шум, говор, смех, гремевший в нем круглый день от утра до ночи»; среди «маленьких интриг, всей борьбы молодых страстей, кипевших в нем без устали» Пушкин отличил юную Алину, как ее называли в семье.

Александра Ивановна, по словам Евпраксии Николаевны Вревской, отличалась «воображением и пылкостью чувств». «Ее очаровательная, высокоартистическая музыка восхищала Пушкина, Языкова, бар. Дельвига и прочих посетителей гостеприимного Тригорского»,— вспоминала позднее ее сестра Мария.

Свои чувства к двадцатилетней Алине Пушкин высказал в посвященном ей стихотворении «Признание», необычайном по своей простоте и искренности (1826):

Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!

Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно,— я зеваю;
При вас мне грустно,— я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!..

Встречался Пушкин с Алиной и в тверских краях в октябре 1828 и осенью 1829 года. В письме от 16 октября 1829 года из Малинников он сообщает А. Н. Вульфу об увлечении Александры Ивановны местными офицерами Кусовниковым и Юргеневым и ее отъезде с Евпраксией Николаевной в Старицу — «посмотреть новых уланов».

Шли годы... Александра Ивановна Осипова стала в 1833 году женой псковского полицмейстера подполковника Петра Николаевича Беклешова. Брак этот был несчастлив, и Александра Ивановна с тоской вспоминала тригорские дни. «Мой ангел... приезжайте, ради бога,— писал Пушкин Беклешовой из Тригорского в сентябре 1835 года.— У меня для Вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться».

Портрета А. И. Осиповой-Беклешовой в музеях и частных собраниях нет. Можно предполагать, что ее черты Пушкин запечатлел на одной из рукописей михайловского периода (1826).

БОРИСОВА МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА

(род. в 1807—1808)

Дочь старицкого помещика Василия Гавриловича Борисова и Авдотьи Сергеевны, урожденной Кочеровой [12]. Воспитывалась в доме Петра Ивановича Вульфа.

В октябре 1828 года Пушкин писал А. Н. Вульфу из Малинников: «При сей верной оказии доношу вам, что

Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться».

Она была, по словам Е. Е. Смирновой, «очень красивая, имела выразительные глаза и черные волосы. Воспитана она была просто». Кстати, пишет о ней в своем дневнике и А. Н. Вульф: «Не будучи красавицею, она имела хорошенькие глазки и для меня весьма приятно картавила. Пушкин, бывший здесь осенью, очень ввел ее в славу» [13].

В Старицком краеведческом музее до Великой Отечественной войны хранился дневник М. В. Борисовой, ныне утраченный, в переплете темно-голубого цвета с бронзовой застежкой. Краевед Д. А. Цветков видел в этом альбоме набросок женской головки и два стихотворения, которые он считает принадлежащими Пушкину.

Сохранилась копия четверостишия, датированного 28 ноября 1828 года.

Минуты сладостных свиданий,
И трепет девственных ланит,
И пылкий жар твоих лобзаний —
Все память сердца сохранит [14].

Мимолетные встречи с Борисовой нашли отражение в творчестве Пушкина. В черновых набросках к «Капитанской дочке» героиня повести Маша Миронова первоначально названа «барышней Марьей Горисовой».

БОРОДИН СТЕПАН МИХАЙЛОВИЧ

Крепостной И. И. Вульфа. Рассказывал старицкому голове Веревкину, что «когда он жил в Бернове, то часто видел там А. С. Пушкина вместе с А. Н. Вульфом. А. С. был всегда весел, любил танцы, много гулял в саду и по окрестным лесам, не чуждался крестьян и дворовых и ча-

сто с ними разговаривал и шутил, и крестьяне его также не чуждались, любили с ним беседовать и считали его за человека доброго, веселого и большого шутника» [15].

ВЕЛЬЯШЕВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА

(1813—1865)

Дочь старицкого исправника, штабс-ротмистра Василия Ивановича Вельяшева и Натальи Ивановны Вульф — сестры И. И., Павла И. и Петра И. Вульфов. По словам А. П. Керн, ее «бабушка Анна Федоровна долго не соглашалась на брак своей дочери Натальи с Вас. Ив. Вельяшевым, добрейшим и честнейшим человеком, любившим искренне Наталью Ивановну и пользовавшимся ее безграничною привязанностью, потому только, что он не был таким аристократом, какого она желала в мужья дочери» [16].

Детей у Вельяшевых было шестеро: Александр, Иван, Николай, Павел, Петр и Екатерина.

Екатерина Васильевна, по словам ее двоюродного брата А. Н. Вульфа, была «прекрасною девушкою, лицом хотя не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милою и добродушною, как ее лета» [17].

В январе 1829 года Пушкин посетил уездный город Старицу, в котором жила семья Вельяшевых. Поэт бродил по заснеженным улицам, любовался обрывистыми берегами Волги, древним Успенским монастырем.

Вместе с гостившим в Старице семейством Осиповых Пушкин был приглашен 7 января на «семейный бал» к Вельяшевым. Поэта видела здесь В. В. Черкашенинова и записала это знаменательное для нее событие в своем дневнике [18]. Позднее и Е. Е. Смирнова вспоминала этот вечер, когда впервые встретила Пушкина.

К этому приезду поэта в Старицу и празднику у Вельяшевых относится дневниковая запись А. Н. Вульфа: «В крещение приехал к нам в Старицу Пушкин... Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском. С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом» [19].

Скромность и привлекательность юной Катеньки Вельяшевой произвели сильное впечатление на Пушкина. Он называет ее в одном из писем к А. Н. Вульфу «Гретхен» (видимо, уподобляя ее героине гетевского «Фауста»).

В середине января 1829 года, по дороге из Старицы в Петербург (вместе с Вульфом), Пушкин сочинил в честь Вельяшевой стихи:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

На полях рукописи поэт нарисовал изящный профиль Вельяшевой. Ее черты запечатлены и на других рукописях. Пушкин виделся с ней и позднее, в октябре 1829 года в Малинниках.

Пушкин мог посетить имение Вельяшевых Мариничи (или Мариницы) в трех верстах от Павловского.

Мимолетное увлечение прошло, но образ милой девушки не забылся. В августе 1833 года, проезжая через вульфовские поместья, Пушкин писал жене из Павловского: «Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу».

В 1833 году Вельяшева была помолвлена и в апреле 1834 года вышла замуж за штабс-ротмистра Владимирского уланского полка Александра Александровича Жандра. В 1836 году Анна Николаевна Вульф писала про Вельяшеву-Жандр: «Она, мне кажется, совсем не переменилась и, кажется, довольна своей судьбой».

Черты обаятельной Вельяшевой угадываются в образе одной из героинь «Романа в письмах», Машеньки (Пушкин писал эту повесть в Старицком уезде в осенние дни 1829 года): «Стройная, меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе...»

Кроме Маринич семья Вельяшевых владела другими имениями в Старицком и Тверском уездах [20].

ВРЕВСКАЯ ЕВПРАКСИЯ НИКОЛАЕВНА

(1809—1883)

Младшая дочь П. А. Осиповой от первого брака. Познакомился с ней Пушкин летом 1817 года в Михайловском или Тригорском и подружился в свой следующий приезд сюда в августе 1824 года.

«Евпраксия Николаевна (в семействе ее просто звали «Зина»),— писал один из первых биографов Пушкина, П. В. Анненков,— была душой веселого общества, собиравшегося по временам в Тригорском: она играла перед ними арии Россини, мастерски варила жженку и являлась первая во всех предприятиях по части удовольствий» [21].

Атмосфера шутливой влюбленности, царившая тогда в Тригорском, отразилась в стихотворении, посвященном семнадцатилетней Евпраксии:

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

А. Н. Вульф писал в дневнике: «По разным предметам судя, и ее (Евпраксии.— *Л. Ч.*) молодое воображение вскружено неотразимым Мефистофелем» (Пушкиным.— *Л. Ч.*).

В феврале 1828 года Пушкин прислал Евпраксии только что вышедшие четвертую и пятую главы «Евгения Онегина» с дарительной надписью. В одной из строф пятой главы ей посвящены стихи:

Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

Они встречались и позднее: в Тригорском, а потом в Голубове — имении Бориса Александровича Вревского, мужа Евпраксии Николаевны, а также в Петербурге и в Малинниках.

Пушкин упоминает свою приятельницу в письме к Алексею Вульфу от 16 октября 1829 года из Малинников:

«Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна отправились в Старицу посмотреть новых уланов», а в письме к жене от 21 августа 1833 года из Павловского сожалеет, что здесь больше нет «Анет, Евпраксий, Саш, Маш».

Переписка Пушкина с Вревской не сохранилась. По семейным преданиям, Евпраксия Николаевна перед смертью завещала дочери предать огню «пачку писем» Пушкина.

Алексей Николаевич Вульф в старости рассказывал историку М. И. Семевскому, что Пушкин был неравнодушен к его сестре Евпраксии, «воспламенившей его сердце огнем чистой и возвышенной любви». Об этом свидетельствует и письмо Анны Николаевны Вульф к Н. Н. Пушкиной от 28 июня 1834 года: «Как можете вы питать ревность к моей сестре, дорогая моя? Если ваш муж даже был влюблен в нее некоторое время... то ведь на вашей стороне обладание действительностью, и все будущее принадлежит вам» [22]. Признание А. Н. Вульф находит подтверждение в так называемом «Дон-Жуанском списке» Пушкина (1829), где среди увлечений поэта названа и Евпраксия.

ВУЛЬФ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

(1805—1881)

Сын П. А. Осиповой. Воспитанник Дерптского университета, где слушал лекции в 1822—1826 годах. С 1829 года — унтер-офицер гусарского принца Оранского полка, с 1833-го — отставной штабс-ротмистр. Автор «Дневника».

Знакомство Вульфа с Пушкиным произошло поздним летом 1824 года. В это время он гостил у матери в селе Тригорском. Живой и остроумный юноша привлек внимание молодого поэта, и скоро они стали близкими приятелями. Благоприятствовала этому и непринужденная

обстановка в уютном доме П. А. Осиповой. После отъезда Вульфа Пушкин обратился к нему со стихотворным посланием:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света...

В трудные годы ссылки Пушкин доверяет Вульфу свои сокровенные мысли о побеге из подневольной России, и тот берется выхлопотать себе заграничный паспорт, а Пушкина «в роли своего крепостного слуги» увезти с собой за границу.

Потом приятели встречались и в Петербурге, и в Михайловском, и в тверских имениях Вульфов. Они поддерживали деятельную переписку. В очень ценном и богатом фактическими данными «Дневнике» Вульф рассказал о своих разговорах с Пушкиным на самые разные темы — литературные, философские, житейские. Пушкин, судя по всему, видел в этом собеседнике умного и наблюдательного, начитанного и независимого в своих суждениях человека. Он читал Вульфу свои новые произведения и посвящал его в творческие замыслы. Из дневника Вульфа мы узнаем о работе поэта над «Арапом Петра Великого», «Полтавой», главами «Евгения Онегина», запиской «О народном воспитании». Пушкин делился с ним своими взглядами на современное состояние России, николаевскую цензуру...

Заглянем в дневниковые записи Вульфа: «Играя на биллиарде, сказал Пушкин: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре, Святославе. Это героический период на-

шей истории. Я непременно напишу историю Петра I, Александрову — пером Курбского». Несколько позднее: «Самого поэта я нашел... сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир (камер-юнкера.— *Л. Ч.*), его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева и несколько новых русских сказок. Он говорит, что возвращается к оппозиции...» [23]

Заметки Вульфа, а также воспоминания А. Н. Понафидиной и Е. Е. Смирновой сохранили нам сведения о встречах поэта со своим тригорским приятелем в Малинниках, Старице и в соседних имениях. Это было в январе и марте 1829 года. Здесь они проводили рождественские праздники, ездили «по деревням», наперебой влюблялись в юных красавиц...

Вульф прожил долгую жизнь. С годами от его юношеского либерализма не осталось и следа. Он превратился в крепостника, противника реформ. Самой светлой страницей в его судьбе осталась дружба с Пушкиным.

ВУЛЬФ (ТРУВЕЛЛЕР) АННА ИВАНОВНА

(1799—1835)

Дочь Ивана Ивановича и Надежды Гавриловны Вульфов, жившая в имении родителей — с. Бернове, откуда приезжала в Тригорское и Петербург.

Весной 1825 года она гостила у своей тетки П. А. Осиповой в Тригорском, и здесь познакомился с ней Пушкин. Привлекла его внимание «очень умная, образованная и симпатичная девушка и при всем том — красавица». Он писал брату: «Анна Николаевна тебе кланяется и очень жалеет, что тебя здесь нет; потому что я влюбился и миртильничаю [24]. Знаешь ее кузину Анну Ивановну Вульф; ecce femina! (по-латыни — «вот женщина!».— *Л. Ч.*)». И в письме к А. П. Керн от 28 августа 1825 го-

да: «Я без ума от Нетти» (так Анну Ивановну называли близкие.— *Л. Ч.*). Увлечение скоро прошло, но дружба и шутливый флирт остались.

Потом судьба свела Пушкина и А. И. Вульф на тверской земле, в семье ее родителей и у соседних помещиков.

В ноябре 1829 года в Малинниках поэт посвятил ей шуточное стихотворение:

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве —
И R и О позабываю
Для N и W.

Письмо Пушкина к А. Н. Вульфу из Малинников от 16 октября 1829 года: «...*Netty,* нежная, томная, истерическая, *потолстевшая Netty* — здесь... Вот уж третий день как я в нее влюблен».

По-видимому, Пушкин встречался с Анной Ивановной и позднее, в другие приезды в Тверскую губернию.

В феврале 1834 года Анна Ивановна вышла замуж за поручика корпуса инженеров путей сообщения Василия Ивановича Трувеллера, а через полтора года умерла от родов.

ВУЛЬФ АННА НИКОЛАЕВНА

(1799—1857)

Старшая дочь П. А. Осиповой. Пушкин познакомился с ней летом 1817 года в Михайловском или Тригорском и ближе узнал ее во время ссылки 1824—1826 годов. В противоположность сестре, «воздушной Евпраксии», Анна Николаевна отличалась романтическим характером, что дало основание первым биографам поэта сравнивать ее с Татьяной из «Евгения Онегина». Она полюбила

Пушкина, и эта неразделенная любовь прошла через всю ее жизнь.

Своей тригорской соседке Пушкин посвятил полушутливые-полусерьезные стихи, своеобразный комментарий к их отношениям:

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны,
И самой красоте *семнадцать лет* замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало смелей грозит и упрекает.
Что делать... утешься и смирись,
От милых прежних прав заране откажись,
Ищи других побед — успехи пред тобою,
Я счастия тебе желаю всей душою...

Ей же посвящены стихотворения «Хотя стишки на именины...», «Увы! Напрасно деве гордой...» и «Н. Н. (Примите «Невский Альманах»)» (все — 1825).

До наших дней дошло шесть писем А. Н. Вульф к Пушкину (их было значительно больше) и два письма поэта к ней.

Еще до приезда Пушкина в тверские места Анна Николаевна писала Пушкину из Малинников весной 1826 года: «Знаете ли вы, что я плачу над письмом к вам? Это компрометирует меня, я чувствую; но это сильнее меня; я не могу с собою справиться...» И в другом письме того же времени: «Боже! Какое волнение я испытала, читая ваше письмо... Ах, Пушкин, вы не заслуживаете любви, и я вижу, что была бы более счастлива, если бы уехала раньше из Тригорского и если бы последние дни, которые я провела с вами, могли изгладиться из моей памяти».

В 1828—1829 и последующих годах А. Н. Вульф жи-

ла с матерью в Малинниках. Здесь она вновь встречалась с Пушкиным. Сохранились письма Пушкина к Алексею Вульфу из Малинников от 27 октября 1828 и 16 октября 1829 года с приписками Анны Николаевны. По поводу первого письма читаем в дневнике Вульфа: «Верно, он (Пушкин.— *Л. Ч.*) был в весьма хорошем настроении духа и, любезничая с тамошними красавицами, чтобы пошутить над ними, писал ко мне...»

В 1830-х годах Пушкин встречался с А. Н. Вульф в Тригорском. В последний раз они виделись в Петербурге за несколько дней до смерти поэта.

Анна Николаевна на двадцать лет пережила Пушкина. Замуж она так никогда и не вышла. Е. Н. Вревская писала: «Сестра сидит все в Тригорском, и, несмотря на все прелести природы, на песни соловьев, которыми она окружена, она не знает, что делать с тоски...» [25] Алексей Вульф замечает в дневнике: «Существование ее ей кажется бесполезным, она права. К несчастью, девушки у нас так воспитаны, что если они не выйдут замуж, то не знают они, что из себя делать. Тягостно мыслящему существу прозябать бесполезно, без цели» [26].

ВУЛЬФ ИВАН ИВАНОВИЧ

(1776—1860)

Служил в столичном лейб-гвардии Семеновском полку, из которого вышел в 1802 году отставным поручиком. Остальную часть жизни провел в родовом имении Берново Старицкого уезда, в двадцати пяти верстах от Старицы [27]. Был женат на Надежде Гавриловне Борзовой.

В дневнике его племянника А. Н. Вульфа об Иване Ивановиче сказано: «Женившись очень рано на богатой и хорошенькой девушке, несколько летней жизнью в Петербурге расстроил себе имение. Поселившись в деревне, оста-

вил он жену и завел из крепостных девок гарем, в котором и прижил с дюжину детей, оставив попечение о законных своей жене»[28]. «Законными» были сыновья Александр, Николай, Петр и дочери Анна и Екатерина.

Пушкин редко посещал Берново. Лишь раз в письме к А. Н. Вульфу от 16 октября 1829 года поэт, пересказывая местные новости, упоминает об Иване Ивановиче, который будто бы сидит на гаремной «диете». Если кто и нравился Пушкину в Бернове, то никак не помещик-крепостник, а его умная и просвещенная жена Надежда Гавриловна и привлекательные дочери Екатерина и Анна.

Сохранились портреты тогдашних владельцев Бернова, написанные, по-видимому, крепостным художником не без таланта. На одном из них — Иван Иванович в своем привычном бухарском халате, с надменным лицом большого барина. На другом — Надежда Гавриловна, красивая, изящная дама, по моде одетая и причесанная, в светлом платье и темной шали[29]. Пушкин любовался этим портретом и согласно дневниковой записи В. В. Черкашениновой пожелал познакомиться с художником.

А. Н. Вульф называл тетку «своего рода неоцененной».

Непригляден облик владельца Бернова. Закоренелый крепостник, он жестоко обращался со своими крестьянами, что с их стороны вызывало жалобы на помещика и возмущение. Так, например, бунт крепостных в Бернове в 1827 году был подавлен силой, зачинщики были подвергнуты наказанию, а двое сосланы в Сибирь[30].

По-видимому, о таких, как Иван Иванович Вульф, саркастически сказано в пушкинском «Романе в письмах»: «Для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ими процветают еще Простаковы и Скотинины!»

Живописны усадьба Берново и ее окрестности с прихотливо извивающейся речкой Тьмой. Еще издали виден расположенный на пригорке большой, двухэтажный, с ме-

зонином, каменный особняк в стиле ампир, выстроенный в самом конце XVIII — начале XIX века. В нем было тридцать комнат. Усадьбу украшает французский сад с тенистыми липовыми и березовыми аллеями. К нему примыкает густой парк, заросший елями и березами, с обрывистой горкой, позднее названной «Парнасом».

Против парка, на берегу Тьмы, сохранилась церковь, построенная в конце XVII — начале XVIII века, и кладбище при ней, где покоятся многие Вульфы и их ближайшие родственники.

Со старым омутом и остатками истлевшей мельницы на реке Тьме в районе Бернова мемуаристы и местные краеведы связывают создание драмы Пушкина «Русалка». И. И. Левитан изобразил эти места в своей знаменитой картине «У омута».

В 1971 году в Бернове открыт Музей А. С. Пушкина, знакомящий посетителей с жизнью и творчеством великого поэта на тверской земле.

ВУЛЬФ ИВАН ПЕТРОВИЧ

(около 1800 — после 1860)

Сын Петра Ивановича Вульфа. Воспитанник Пажеского корпуса (выпуск 1820 года). Штабс-капитан Оренбургского уланского полка, расквартированного в Старице. С января 1834 года — майор в отставке «по домашним обстоятельствам».

В дневниковой записи его двоюродного брата А. Н. Вульфа читаем об Иване Петровиче: «Он очень хороший человек, с умом и способностями, которые не имел случая развернуть, живучи с самого выхода из корпуса Пажеского здесь в деревне»[31]. В начале января 1829 года И. П. Вульф гостил у Вельяшевых в Старице, и Алексей

Вульф с Пушкиным, согласно тому же дневнику, имели «одно только удовольствие бесить Ивана Петровича; образ мыслей наших оттого он назвал американским...»

ВУЛЬФ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

(1808—1832)

Сын П. А. Осиповой. Юнкер Оренбургского уланского полка, расквартированного в Старице [32].

Скоропостижно скончался в Брест-Литовске 20 мая 1832 года, вдали от родного Тригорского и тверских мест. Узнав о смерти брата, А. Н. Вульф записал в дневнике: «Его умирающий взор не встретил ни одного родного, последний час его был столь же печален, как и вся его жизнь...»

Пушкин встречался с Михаилом Николаевичем в Тригорском и в свои приезды в Старицу и Малинники.

ВУЛЬФ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

(1815—1889)

Сын Ивана Ивановича и Надежды Гавриловны Вульфов. Гвардии поручик. По словам тверского краеведа прошлого века В. И. Колосова, «Николай Иванович Вульф неоднократно видел А. С. Пушкина в селе Бернове, где он не один раз гостил...». Но мальчику было в то время только двенадцать лет, и поэтому немногое сохранилось в его памяти. В. И. Колосов и несколько ранее П. В. Анненков записали его небольшие воспоминания о приезде поэта в старицкие места, в Берново и Павловское. Вслед за другими тверскими мемуаристами (А. Н. Понафидиной, Н. П. Раменским) Н. И. Вульф связал сюжет «Русалки» с берновской легендой о дочери «мельника их имения».

ВУЛЬФ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

(1775—1858)

Служил в лейб-гвардии Семеновском полку, из которого вышел в отставку подпоручиком. Позднее в составе Тверского ополчения (подпоручиком конно-казачьего полка) участвовал в Отечественной войне 1812 года.

Из Гамбурга, по словам А. Н. Вульфа, Павел Иванович вывез девушку по имени Фридерика и позднее женился на ней. Она «завела в доме немецкий порядок, который делает приятное впечатление на всякого приезжающего к ним». Не имея детей, они жили «без лишней роскоши, по своему состоянию, спокойно».

Поздней осенью 1828 года, гостя в Малинниках, в семье Осиповой-Вульф, Пушкин навещал соседние вульфовские имения — Павловское, Берново, Курово. «По тогдашнему доброму обычаю,— писал в конце прошлого века местный краевед И. А. Иванов,— заезжий добрый человек, а тем более друг, был желанным гостем не одного только семейства, но и всех его родственников и знакомых...»

О «сборище у одного соседа» (Павла Ив. Вульфа), где произошла забавная сцена с детьми Понафидиных, Пушкин рассказал в письме к А. А. Дельвигу от середины ноября 1828 года. Об этом же эпизоде говорится в позднейших воспоминаниях А. Н. Понафидиной.

В начале января 1829 года Пушкин снова побывал в Тверской губернии. После дней, проведенных в Старице, поэт и Алексей Вульф поехали «по деревням». «Я с Пушкиным, взяв по бутылке шампанского, которые морозили, держа на коленях, поехали к Павлу Ивановичу. За обедом мы напоили Люнелем, привезенным Пушкиным из Москвы, Фрициньку» [33]. В Павловском Алексей Вульф пробрался ночью в спальню к Е. Е. Смирновой «вроде гр. Нулина», и Пушкин бранил его за этот поступок.

16 января Пушкин и Вульф выехали из Павловского в Петербург.

Осенью 1829 года поэт снова побывал у своих старых друзей. Он приехал сюда 12 октября, после путешествия в Арзрум, направляясь в Петербург. В письме от 16 октября 1829 года из Малинников он сообщает местные новости: *«В Павловском* Фридерика Ивановна страждет флюсом; Павел Иванович стихотворствует с отличным успехом. На днях исправил он наши общие стихи следующим образом:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И *воспомнил* ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Не правда ли, что это очень мило».

В беловом автографе первых четырех стихов Пушкин подчеркнул «Я взглянул на небеса» и «воспомнил», исправленные Павлом Ивановичем. Пушкин поселился в Павловском и находился здесь около трех недель — до 3 ноября. Можно утверждать, что из старицких Вульфов Пушкин любил более всех Павла Ивановича — умного, добродушного, крайне флегматичного человека. Е. Е. Смирнова (Синицына) вспоминала позднее: «На Павла Ивановича упади стена, он не подвинется, право, не подвинется,— неоднократно шутя говорил Пушкин... Александр Сергеевич обыкновенно старался расшевелить его и бывал в большом восторге, когда это удавалось ему» [34].

Сельцо Павловское расположено в трех верстах от Бернова на правом берегу извилистой Тьмы [35]. Живописна долина реки, ее высокие берега, пологие холмы. Старинный английский парк с липами, лиственницами, дубами и высокими березами полого спускается к Тьме. Пушкин любил эти места и часто бродил здесь в часы досуга.

Господский дом не сохранился, нет даже его изображения. Если судить по оставшемуся фундаменту, усадьба была небольшая. Уцелел лишь один скотный двор, построенный еще в XVIII веке. Невольно приходят на память стихи в «Путешествии Онегина», написанные в 1829 году в Павловском:

Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...
Тьфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!

Как Пушкин проводил свой день в Павловском? По рассказу Е. Е. Смирновой, «вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы. По вечерам часто угощали Александра Сергеевича клюквой, которую он особенно любил» [36].

Сам Пушкин рассказал о своей жизни в Павловском в стихах, написанных накануне отъезда, 2 ноября:

Зима! Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?..
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,

Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),—
Как оживляется глухая сторона!..

Павловская осень 1829 года оказалась весьма плодотворной. Вдохновляли поэта милая его сердцу семья Вульфов и неповторимая красота пейзажей Павловского и его окрестностей. Здесь созданы стихотворения «Зима! Что делать нам в деревне?..» (2 ноября) и «Зимнее утро» (3 ноября).

Пушкин завершает здесь «Путешествие Онегина», по свежим впечатлениям от поездки на Кавказ пишет начерно поэму «Тазит» и принимается за прозу. Сохранился первоначальный набросок предисловия к «Повестям Белкина», где вымышленный автор «Повестей» назван Петром Ивановичем Д., самым любимым помещиком «во всем околотке». Невольно вспоминаешь владельцев Павловского и Соколова...

В Павловском написана и повесть из современной русской жизни, названная позднее редактором сочинений Пушкина П. В. Анненковым «Отрывками из романа в письмах». Между прочим, на вымышленных письмах, составляющих повесть, стоят реальные даты: все они помечены второй половиной октября — началом ноября.

В этой повести поэт размышляет об обязанностях помещиков по отношению к своим крепостным и осуждает «господ помещиков» за их неумение вести хозяйство и чинимый ими произвол в своих поместьях. Свое отношение к новой и старой аристократии и системе дворянского воспитания Пушкин высказал в переписке Владимира с его другом. Интересны замечания об уездных барышнях «выросших под яблонями и между скирдами». Они целый день проводят в саду или поле с книгою в руках, хорошо знают русскую литературу. «Вообще здесь более занимаются словесностию, чем в Петербурге. Здесь полу-

чают журналы, принимают живое участие в их перебранке...» Это реальные впечатления от встреч с молодыми обитательницами старицких поместий.

О последнем приезде Пушкина в Павловское узнаем из письма поэта к жене от 21 августа 1833 года из Павловского: «Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному». О неожиданном приезде Пушкина в Павловское сообщала и Анна Н. Вульф сестре Е. Н. Вревской в сентябре 1833 года: «Надежда Осиповна (Пушкина.— *Л. Ч.*) пишет маменьке, что Александр заезжал в Павловское к дядиньке. Каково?»

Фридерика Ивановна Вульф умерла в 1848 году в Старице от холеры. К концу жизни Павел Иванович продал Павловское помещику Анатолию Вельяшеву и уехал в Торжок, где и умер в бедности. Могила его находится на местном Богословском кладбище.

ВУЛЬФ ПЕТР ИВАНОВИЧ

(1768—1832)

Старший из братьев Вульфов, владелец сельца Соколова Старицкого уезда[37] Тверской губернии, статский советник. Служил при великих князьях Николае и Михаиле Павловичах. Имел жену Елизавету Петровну, урожденную Розанову, и детей, из которых Гавриил в 1829 году был уже гвардии штабс-капитаном, Иван — ротмистром, Никита — воспитанником Морского кадетского корпуса. С родителями жили дочери Екатерина и Мария. В семье Вульфов воспитывалась М. В. Борисова.

По словам А. Н. Вульфа, его родственники добрые люди. «Один только старший из моих дядей, Петр Ива-

нович, весьма тяжелого нрава... Служив при дворе кавалером у нынешнего императора, он возымел такое высокое мнение о себе, что, живучи в деревне в нескольких верстах от всей своей родни, он никуда не ездит и не любит, что дети его часто бывают у своих» [38].

Можно с уверенностью предположить, что в свои частые приезды в Старицкий уезд Пушкин бывал и в Соколове, а также встречался с владельцем имения у его братьев и у других соседних помещиков. Возможно, что в Соколове Пушкин виделся с Марией Борисовой. Имение Соколово было расположено на левом берегу реки Тьмы. Господский дом — одноэтажный, деревянный, с мезонином и колоннами — стоял до 1965 года.

ГАЛЬЯНИ ШАРЛОТТА ИВАНОВНА

(около 1799 — не ранее 1847)

Содержательница трактира (гостиницы) в Твери, «купеческая вдова», жена итальянца по происхождению Павла Демьяновича Гальяни (умер в 1831 году). О гостинице упоминает знакомец Пушкина Ф. Ф. Вигель, как об «известной» уже в 1805 году. Другой мемуарист рассказывает, как в 1821 году он остановился в «трактире, где содержатель итальянец, довольно нечисто, но комната моя порядочная; за суп, ночлег и кофе заплатил 9 рублей».

Впервые Пушкин упоминает гостиницу Гальяни в письме к С. А. Соболевскому из Михайловского от 9 ноября 1826 года. Пушкин советует другу, большому гастроному:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.

Кольони — по-итальянски (в переносном смысле) фат, глупец; пармазан — сладковатый сыр, изготовлявшийся в Парме. О последнем ночлеге у Гальяни узнаем из письма Пушкина к жене из Москвы (4 мая 1836 года) и «Воспоминаний» В. А. Соллогуба.

Современница Пушкина рассказывала краеведу В. И. Колосову, как много лет назад ее муж, придя домой, сообщил: «Я сейчас видел Пушкина. Он сидит у Гальяни на окне, поджав ноги, и глотает персики...»

Гостиница Гальяни была расположена на углу Гальяновой и Скорбященской улиц, в большом двухэтажном доме. Низ каменный, верх деревянный. В гостинице был зал для танцев и других увеселений. В 1879 году дом сгорел, и на его месте в настоящее время — четырехэтажное жилое здание (угол улиц Пушкинской и Володарского). На фасаде здания установлена мемориальная доска с надписью: «На этом месте была гостиница Гальяни, где проездом останавливался в 1826—1836 гг. А. С. Пушкин».

Около тридцати раз Пушкин проезжал через Тверь и столько же, по-видимому, останавливался здесь для ночлега.

Расскажем о Твери словами современника (1801): «Тверь, один из прекраснейших российских городов, расположена на месте весьма прелестном. Представьте себе ровную большую возвышенность, окруженную вдали тенистыми рощами, устланную зелеными лугами, обогащенную плодоносными жатвами, по коей течет кроткая Волга, та величайшая в свете река...» [39].

Тверь — один из древнейших русских городов. Впервые он упоминается в исторических документах под 1162—1164 годами. Летом 1763 года большой пожар уничтожил центральную часть города, а через десять лет — всю заволжскую сторону.

Пушкин видел Тверь отстроенной. Усилиями замеча-

тельных русских зодчих П. Р. Никитина и его помощников — молодого М. Ф. Казакова, А. В. Квасова, В. С. Обухова город на Верхней Волге совершенно преобразился. Главная достопримечательность города — трехлучевая планировка его центральных улиц напоминала поэту северную столицу — Петербург. Не могли не привлечь его внимание и памятники архитектуры, а их много в этом городе.

Величествен Путевой дворец Екатерины II, выполненный в классической манере (архитекторы М. Ф. Казаков и К. И. Росси). Сейчас в нем размещаются Калининский государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей и областная картинная галерея. Украшением города являются ансамбли административных и жилых зданий на площади Ленина и набережной Степана Разина. Древнейшее сооружение Твери — церковь Белая Троица (1564).

Почтовый тракт Москва — Петербург проходил тогда по Миллионной улице (ныне Советская), и, покидая город, поэт увозил с собой незабываемые впечатления о красоте его площадей и улиц.

ГЛАДКОВА ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА

(род. в 1805)

Младшая дочь Ивана Ивановича Вульфа. С 1825 года — жена Якова Павловича Гладкова, ротмистра Оренбургского уланского полка, стоявшего в Старице. Это была «очень красивая, пышная молодая женщина». «Недостает ей,— по словам ее кузена А. Н. Вульфа,— только несколько ума».

Мы не знаем, когда именно и как познакомился Пушкин с Гладковой. Но в письме к А. Н. Вульфу от 16 октября 1829 года из Малинников поэт сожалел, что не за-

стал «Минерву» — Гладкову в Бернове. С древнеримской богиней мужества и мудрости Екатерина Ивановна сопоставлена, конечно, иронически.

Несколько позднее Гладкова признавалась А. Н. Вульфу, что «она сначала боялась» его приезда, боялась и Пушкина.

Со слов Гладковой записаны лаконичные воспоминания о поэте.

ГЛИНКА ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ
(1786—1880)

Участник Отечественной войны 1812 года, гвардейский полковник. В 1819—1822 годах он состоял чиновником по особым поручениям при петербургском военном генерал-губернаторе графе М. А. Милорадовиче. Поэт, публицист, автор «Писем русского офицера». Председатель Общества любителей российской словесности, участник литературно-политического общества «Зеленая лампа», член ранних декабристских организаций — Союза спасения и Союза благоденствия.

Глинка разделил горькую участь декабристов: его постигли арест, заключение в Петропавловскую крепость и затем высылка из столицы в Петрозаводск под «бдительный тайный надзор полиции».

В марте 1830 года Глинка был переведен из Петрозаводска в Тверь и определен советником в Тверское губернское правление. Этому переводу предшествовала длительная переписка Бенкендорфа с другими высокопоставленными лицами. Усиленно хлопотали о сосланном декабристе А. Ф. Воейков, Н. И. Гнедич и В. А. Жуковский. Сам Глинка мотивировал свою просьбу о переводе в Тверь желанием найти здесь «по бедности удобнейшие

средства в жизни, воздух не столь суровый и лучшие врачебные пособия».

Около двух с половиной лет прожил Глинка в Твери, а в начале декабря 1832 года он был переведен на ту же должность в Орловское губернское правление.

Мы мало знаем о литературно-общественной деятельности Федора Николаевича в Твери. По собственному признанию, «проза губернского правления» съедала весь его досуг.

Последние десятилетия своей долгой жизни Глинка провел в Твери. Здесь он состоял почетным попечителем тверской гимназии и членом губернского статистического комитета. Он также учредил Общество «доброхотной копейки», на средства которого были открыты ремесленная школа и бесплатная столовая для бедных. Известны археологические работы Глинки, описание памятников древнего быта в Тверской губернии. По свидетельству его друга и биографа, много сделал Глинка в Твери добра «своим сочувственным отношением к местным интересам, вследствие чего личность его сделалась дорогой и популярной в Твери».

Глинка дожил до глубокой старости. На девяносто четвертом году окончилась его нелегкая жизнь. Он сам ее оценил признанием: «Я бурями вспахан, изрыт ураганом, и слезы был мой посев». Иные из его стихотворений живут до сих пор, став популярными романсами: «Вот мчится тройка удалая», «Не слышно шуму городского» и др.

Тверская земля стала для Федора Николаевича последним приютом. Здесь он умер 11 февраля 1880 года и с воинскими почестями похоронен в Желтиковом монастыре.

Знакомство Пушкина с Глинкой состоялось вскоре после окончания Пушкиным Царскосельского лицея. Их можно было видеть на заседаниях «Зеленой лампы», у

братьев Тургеневых, П. А. Плетнева, В. К. Кюхельбекера и в литературных салонах и кружках других петербургских литераторов.

К этому времени относится разговор Плетнева с Глинкой о том, что настала пора избрать молодого Пушкина в члены Общества любителей российской словесности. «Овцы стадятся, а лев ходит один»,— последовал ответ председателя Общества. В апреле 1820 года Пушкину грозила ссылка в Соловки или в Сибирь за антиправительственные стихи. Глинка был в числе лиц, содействовавших облегчению участи поэта.

Высылка Пушкина из Петербурга наделала шуму в литературных кругах столицы. Изгнаннику сочувствовали. Вильгельм Кюхельбекер выступил в защиту Пушкина со стихотворением «Поэты». Глинка откликнулся в сентябрьской книжке «Сына отечества» за 1820 год дружеским посланием к автору «Вольности» и «Деревни»:

О Пушкин, Пушкин! Кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?
Какой из жителей небесных,
Тебя младенцем полюбя,
Лелея, баял в колыбели?
Лишь ты завидел белый свет,
К тебе эроты прилетели
И с лаской грации подсели...
Склонясь под дубы величавы,
Лишь ты запел, младой певец,—
И добрый дух седой дубравы,
Старинных дел, старинной славы
Певцу младому вьет венец!..
Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!..[40]

Такое приветствие, обращенное к опальному поэту, было настоящим гражданским подвигом. Прочитав эти стихи Глинки, Пушкин в июле 1821 года писал брату из

далекого Кишинева: «Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что он славная душа — и что я люблю его...»

Вскоре он обратился к Глинке с ответным посланием:

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнанье позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

Вспомним, что Аристид — государственный деятель Афинской республики, известный своей справедливостью и честностью.

В последующие годы литературное общение Пушкина с Глинкой не прекращалось. В письмах последнего часто встречаются сочувственные упоминания о Пушкине. В феврале 1830 года Глинка посылает ему свою поэму «Карелия». Поэт откликнулся на нее благожелательной рецензией — «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение в четырех частях Федора Глинки». «Изо всех наших поэтов,— писал Пушкин в рецензии,— Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в

станцах метафизических или Крылова в сатирической притче».

Пушкин относился к поэзии Глинки двойственно, иронизируя над религиозной экзальтацией и стилистическими неловкостями, но в то же время отмечая самобытность и оригинальность других произведений.

Дружба с Пушкиным была отрадой ссыльному декабристу. «Если увидите А. С. Пушкина,— писал Глинка П. А. Вяземскому в марте 1831 года,— прошу обнять его сладкими объятиями поэзии и дружбы, я всегда любил и люблю его от души» [41].

И Пушкин не забывал старого друга. Через десять с лишним лет после разлуки представился удобный случай увидеться. 10 августа 1830 года Пушкин с Вяземским выехали из Петербурга в Москву и 13-го остановились в Твери для свидания с Глинкой. Подробности этого свидания неизвестны, мы знаем лишь, что среди прочего разговор шел о том, что Глинке следовало бы «упросить» вдову ученого археолога Адама Чарноцкого (писавшего под псевдонимом «Зориан Яковлевич Доленга-Ходаковский») «уполномочить их на отнятие у Полевого золотого рудника» — рукописного архива ученого. Очевидно, Пушкин и Вяземский хотели заполучить эти материалы для «Литературной газеты». Так рассказывает А. А. Шишков.

Глинка был доволен встречей и в июле 1831 года писал Пушкину: «Драгоценное посещение ваше для меня — сугубо памятно. Вы утешили меня как почитателя вашего, давно желавшего вас видеть и обнять, и в то же время вы приняли во мне участие как человек, в котором совсем не отразился настоящий век. С добродушием, приличным старому, доброму времени, вы сами взялись хлопотать (разумеется, по возможности) об улучшении моего положения» [42].

Осенью 1831 года Пушкин просил Глинку прислать ему несколько новых стихотворений для «Северных цветов» на

«поэтическую тризну» по Дельвигу. При письме от 28 ноября 1831 года Глинка отправил поэту «10 пьес». В альманахе были напечатаны одно прозаическое и четыре стихотворных произведений Глинки. После выхода в свет «Северных цветов» на 1832 год Глинке, по указанию Пушкина, был отправлен «нарядный экземпляр» альманаха.

По неизвестным причинам кто-то пытался поссорить поэтов, но Пушкин заверил Глинку: «Моим искренним, глубоким уважением к Вам и Вашему прекрасному таланту я пред Вами совершенно чист». Глинка в свою очередь подтвердил: «Смею уверить, что я Вас любил, люблю и любить не перестану! Многие любят Ваш талант; я любил и люблю в Вас — всего Вас».

О дальнейших контактах Пушкина с Глинкой сведений нет. На кончину великого поэта Федор Николаевич откликнулся стихотворным «Воспоминанием о пиитической жизни Пушкина» (1837), которое заканчивалось так:

Не плачь, растерзанный отец!
Он лишь сменил существованье:
Но умирая, как *преданье,*
Живут поэты для сердец...
Он для России не умрет!..[43]

Позднее Глинка опубликовал на страницах журнала «Русский архив» (1866) свои воспоминания «Удаление А. С. Пушкина из Петербурга в 1820 году» — важнейший источник для политической биографии великого поэта.

ЕМЕЛЬЯНОВ ГАВРИИЛ

(род. в 1786)

Занимался в Старицком уезде плотницким делом. По позднейшему рассказу его внука, Емельянов встретился однажды у берновской мельницы с приезжавшим в эти

края Пушкиным. На вопрос: «Верно говорят, что в этом омуте дочь мельника утопилась?» — Емельянов сообщил поэту бытовавшую здесь легенду, которая могла быть использована Пушкиным при работе над драмой «Русалка».

В другой раз Емельянов встретил Пушкина на дороге. Сняв шапку, он низко поклонился, а Пушкин приветливо кивнул головой. В метрических книгах берновской церкви за 1844 год, по утверждению старицкого краеведа Д. А. Цветкова, значится, что в Малинниках действительно был вольноотпущенный человек Гавриил Емельянов.

ЕРМОЛАЕВЫ

Глава семьи Дмитрий Иванович — чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе симбирском, казанском и других губерний, камер-юнкер, позднее статский советник. Его дочери Анна и Варвара воспитывались в Смольном институте, меньшая, Елизавета,— дома. Сын Арсений впоследствии дослужился до поручика.

В. Черкашенинова записала 23 ноября 1828 года о вечере в Малинниках, что там были сестры Ермолаевы и Пушкин.

По-видимому, Пушкин был увлечен Лизой Ермолаевой. Е. Н. Вревская вспоминала позднее, что поэт «не мог свести Лизу с ума, хоть и старался». Ермолаевым принадлежало имение в Старицком уезде [44].

ИОГАНСОН СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА
(1816—1897)

Жила в имении Подсосенье Старицкого уезда, в четырех верстах от Бернова, где часто гостила. Это была, по словам ее родственницы А. Н. Понафидиной, «прелестная, кроткая, самоотверженная личность». Оставила не-

опубликованные «Записки» об А. П. Чехове и Л. С. Мизиновой.

Однажды, рассказывает Понафидина, Пушкин и А. Н. Вульф неожиданно приехали в Берново. «Все барышни всполошились и убежали, но потом вернулись, кроме тетушки моей Софьи Михайловны Иогансон. Как ни убеждала ее Екатерина Ивановна (Гладкова.— *Л. Ч.*), она не возвращалась и говорила, что Пушкин будет смеяться над ее большим носом. Когда Александр Сергеевич узнал об этом от Екатерины Ивановны, то засмеялся и сказал: «Зачем бы я стал смотреть на некрасивый нос барышни, когда я мог бы любоваться хорошенькими бегающими ножками, которые я так люблю» [45].

КАЗНАКОВА ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА

(род. около 1810)

Дочь отставного гвардии поручика, старицкого помещика Федора Борисовича Казнакова и его жены Анны Ивановны. Семья Казнаковых упоминается в дневнике А. Н. Вульфа.

23 ноября 1828 года Пушкин был в Малинниках и при нем, по свидетельству В. Черкашениновой, Катя Казнакова спела два романса, все ей аплодировали, а Пушкин был в восторге от ее голоса.

Семья Казнаковых владела имениями в Старицком уезде [46].

КОЗЛОВСКИЙ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ

(1811—1867)

Воспитанник Московского кадетского корпуса, откуда выпущен прапорщиком в марте 1828 года. С 1832 года —

поручик 1-й уланской дивизии, расквартированной в Твери. По словам двоюродной племянницы А. И. Герцена Т. П. Пассек, «в Твери, к небольшему числу посещавших нас знакомых довольно часто присоединялся офицер стоявшего там кавалерийского полка князь Козловский. Он любил литературу и писал порядочные стихи» [47].

О своем тверском знакомом Козловском А. Н. Вульф записал 23 августа 1834 года в дневнике: «С одним юношей — поэтом князем Козловским — твердил стихи Языкова; это первого встречаю человека, который, не знав Языкова, знал бы наизусть столько же стихов, сколько и я их знаю» [48]. В «Библиотеке для чтения» (1836, 1839) опубликованы стихотворения Козловского «Обитатель Сиона» и «Совет».

О каких-то ломбардных квитанциях Козловского, переданных ей Пушкиным, писала Анна Н. Вульф своей матери 14 мая 1835 года.

1 мая 1836 года Козловский посетил Пушкина в Твери в качестве секунданта В. А. Соллогуба и передал ему записку последнего. Позднее Соллогуб вспоминал, что Пушкин «был очень любезен и разговорчив с Козловским». Дуэль, как известно, не состоялась.

Вскоре после смерти Пушкина Козловский вышел в отставку и служил в Костроме, в палате государственных имуществ.

КУДРЯВЦЕВА НАТАЛЬЯ ФИЛИППОВНА

(около 1813 — не ранее 1899)

Крепостная П. А. Осиповой в Малинниках.

Вот что сообщал в конце прошлого века тверской краевед И. А. Иванов: «Недалеко от Малинников, в сельце Марицыне, живет старушка Нат. Фил. Кудрявцева... Она была дворовой Пр. Ал. Осиповой и жила сначала в Три-

горском; Кудрявцева хорошо помнит А. С. Пушкина. Между прочим она сообщила... что Пушкин любил смешиваться с простым народом на базарах и гуляньях, даже переодеваясь в простонародный костюм» [49].

По записи другого краеведа, Кудрявцева «живо помнит А. С. Пушкина и любит рассказывать о близких отношениях к семейству ее бывшей госпожи...» Она же рассказывала А. Н. Понафидиной, как «Александр Сергеевич любил вставать рано и зимой, когда девушки топили печи и в доме еще была тишина, приходил к ним, шутил с ними и пугал их. В обращении с ними он был так прост, что они отвечали ему шутками» [50].

КУСОВНИКОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
(1792—1853)

Полковник Оренбургского уланского полка, в конце 1820-х годов стоявшего в Старице. Затем — командир Тираспольского конно-егерского полка. Позднее был генерал-лейтенантом и комендантом г. Вильны.

Хорошо знавший его А. Н. Вульф оставил о нем в дневнике следующую запись: «Самый приятный человек из общества был для меня полковник Кусовников... Блестящего ума не имея, вознаграждал он за него приятными искусствами: он мастерски рисовал и прекрасно играл на скрипке. Наружность его была отпечаток души; я не встречал мужчины, лучше его сотворенного». И дальше о знакомстве с Пушкиным: «Во время пребывания Пушкина в Старице (январь, март 1829 года.— *Л. Ч.*) мы чаще еще видались, ибо Пушкин знал Кусовникова еще будучи в Лицее» [51]. Действительно, с марта 1815 года в расквартированном в Царском Селе лейб-гвардии гусарском полку Кусовников служил поручиком.

16 октября 1829 года Пушкин, среди других новостей,

сообщал А. Н. Вульфу из Малинников об увлечении Александры Ивановны Осиповой «талией» Кусовникова.

ЛИЗУНОВА ПРАСКОВЬЯ ОСИПОВНА

Родственница Понафидиных. В своих позднейших воспоминаниях А. И. Понафидина с ее слов рассказала о посещении Пушкиным имения Понафидиных Курово. Лизунова, согласно этим воспоминаниям, «много слышала о поэте... обожала и глубоко ценила его...».

МАКСУТОВ АСФЕНДИАР МУСТАФИН

Штабс-ротмистр Оренбургского уланского полка, расквартированного в Старице, позднее подполковник «по кавалерии». В письме к А. Н. Вульфу от 16 октября 1829 года из Малинников Пушкин сообщал мимоходом, что «князь Максютов (так у Пушкина.— *Л. Ч.*) влюблен более чем когда-нибудь...».

МИЛЛЕР ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

Корнет Ямбургского уланского полка, расквартированного в Зубцове Тверской губернии. Состоял в полку с июля 1826 года и, став поручиком, был переведен в декабре 1830 года в Волынский уланский полк. В письме от 16 октября 1829 года из Малинников Пушкин сообщал А. Н. Вульфу в числе прочего, что «Миллер, из отчаяния» кинулся к ногам Анны Ивановны Вульф, но «она сим не тронулась».

МИЛЛЕР ФЕДОР ИВАНОВИЧ

Дальний родственник А. Н. Вульфа. Помещик сельца Василькова Старицкого уезда, близ Бернова. Этот Мил-

лер, как известно из дневниковой записи В. Черкашениновой от 26 ноября 1828 года, торговал у Павла Ивановича Вульфа крепостную девушку Дуню Прокофьеву, чье пение так нравилось Пушкину.

ОЛЁНИН ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ

(1794—1868)

Сын президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки Алексея Николаевича Оленина и его жены Елизаветы Марковны, урожденной Полторацкой. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов.

Детские и юношеские годы провел в доме родителей, салон которых соединял в себе все, что было замечательного в Петербурге по части литературы и искусства. Здесь собирались многие замечательные люди — писатели, художники, артисты, ученые: Г. Р. Державин, В. А. Озеров, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, К. Н. Батюшков, позднее В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, М. И. Глинка, О. А. Кипренский, К. П. Брюллов. Бывали здесь и члены тайных обществ — братья Бестужевы, Муравьевы, М. П. Бестужев-Рюмин.

Петр Алексеевич увлекался живописью и, будучи в 1818—1819 годах в Италии, встречался с маститыми художниками, копировал произведения выдающихся мастеров. Известны его оригинальные работы — портреты И. А. Крылова и Н. И. Гнедича.

В январе 1831 года П. А. Оленин женился на Марии Сергеевне Львовой — дочери новоторжского помещика и уездного предводителя дворянства Сергея Дмитриевича Львова и его жены Татьяны Петровны, урожденной Полторацкой.

Молодые супруги Оленины поселились в усадьбе Льво-

вых Митино под Торжком и несколько позднее (с осени 1833 года) — в Борисцове, принадлежавшем Елизавете Марковне Олениной. В свою усадьбу Машук Оленины переехали осенью 1835 года [52].

Усадебные постройки Митина принадлежали С. Д. Львову. Господский дом, расположенный в живописном парке на берегу Тверцы, сооружен в конце XVIII века по проекту архитектора Н. А. Львова. В настоящее время здесь разместился санаторий.

О встречах Пушкина с Петром Алексеевичем в Петербурге и в их загородной мызе Приютино не сохранилось сведений, но такие встречи, несомненно, были. Известно лишь, что в феврале 1833 года Пушкин и Оленин участвовали в похоронах Н. И. Гнедича, а в 1835-м — в подписке на надгробный памятник писателю.

О знакомстве Пушкина с Марией Сергеевной известно лишь из позднейших записей тверского краеведа И. А. Иванова: «...много раз встречалась с Пушкиным в Петербурге».

Встречался ли Пушкин с Олениными на тверской земле? Новейшие разыскания подтверждают это. На одном из рисунков поэта, так называемом «Пейзаже с соснами», изображены две пары близко растущих сосен, большой валун и погреба, сложенные из камня (на переднем плане).

Художник Ю. Л. Керцелли отождествил пушкинский рисунок с сохранившимся в Митине пейзажем с погребом на лесистом берегу реки Тверцы. Это дало исследователю право утверждать, что Пушкин бывал в Митине [53].

Пушкин мог встречаться с Олениными, проезжая через Торжок в ноябре-декабре 1832, в августе 1833 и в мае 1836 года.

В одном из домов, принадлежавших Олениным в Торжке, в 1972 году открыт музей, рассказывающий о связях поэта с Тверским краем.

ОСИПОВА МАРИЯ ИВАНОВНА

(1820—1896)

Одна из младших дочерей П. А. Осиповой от второго брака. Поразительно была похожа на свою старшую сестру Александру Ивановну. Наблюдательный Пушкин отметил это в письме к А. И. Беклешевой из Тригорского (1835): «Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами во образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время.

И путешествия в Опочку

и прочая...»

Когда Пушкин впервые увидел в Тригорском Машеньку Осипову, ей было четыре года. Александр Сергеевич помогал ей «делать переводы с французского и на французский язык, за что и пользовался постоянным благорасположением» девочки.

Мария Ивановна росла и воспитывалась в атмосфере восторженного преклонения перед Пушкиным; неудивительно, что и сама увлекалась им. Пушкина влюбленность юной соседки не оставила равнодушным, как это видно из стихотворения, очевидно посвященного ей:

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

Пушкин предполагал продолжить стихотворение. В черновиках сохранился фрагмент этого стихотворения:

Гляжу, предаться не дерзая
Влеченью томному души,
Полурасцветшая, младая,
Блеснуть готовая в тиши...

Все это написано в 1830-х годах.

Встречался ли Пушкин с Марией Ивановной на тверской земле? В дневниковых записях ее сводного брата А. Н. Вульфа, переписке родных и мемуарах современников об этом ничего не говорится; это и понятно: на девочку-подростка не обращали особого внимания.

Однако одно документальное свидетельство все-таки отыскалось. В «Месяцеслове» на 1829 год (от 24 сентября) П. А. Осипова записала: «Приехала я с Машей из Старицкого уезда в Тригорское» [54]. Пушкин незадолго до этого, в январе и марте 1829 года был в старицких краях и, конечно, виделся со своей юной приятельницей. Надо думать, что в письме от 21 августа 1833 года из Павловского, в котором Пушкин рассказывает жене о Малинниках, где «вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc. живет управитель Прасковии Александровны, Рейхман...», перечислены дочери П. А. Осиповой и, стало быть, упоминается Маша Осипова, а не Маша Борисова, как до сих пор предполагали исследователи.

Друг Пушкина А. И. Тургенев беседовал с Марией Ивановной в феврале 1837 года и назвал ее «милой и умной почитательницей великого русского таланта».

Со слов М. И. Осиповой биографы Пушкина позднее записали ее небольшие воспоминания о поэте, согретые любовью к своему кумиру.

ОСИПОВА ПРАСКОВЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

(1781—1859)

Владелица села Тригорского Псковской губернии, соседнего с Михайловским, и нескольких имений в Стариц-

ком уезде Тверской губернии. От первого брака с Николаем Ивановичем Вульфом имела пятерых детей: Алексея, Валериана, Михаила, Анну и Евпраксию. От второго брака с Иваном Сафроновичем Осиповым — Екатерину и Марию.

По описанию ее племянницы А. П. Керн, Осипова была «роста ниже среднего... стан выточенный, кругленький, очень приятный; лицо продолговатое, довольно умное... глаза добрые». Образованная и начитанная, она хорошо владела французским и немецким языками, училась английскому. Следила за русской и иностранной литературой, любила поэзию, и не случайно среди ее близких знакомых и друзей были В. А. Жуковский, П. А. Плетнев, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, А. И. Тургенев и Н. М. Языков.

Впервые приехав в Михайловское летом 1817 года, Пушкин часто навещал соседнее Тригорское и подружился там с хозяйкой усадьбы и ее милым семейством.

Тригорское Пушкин посетил и в свой следующий приезд в Михайловское, летом 1819 года. В годы ссылки поэта (1824—1826) дружба с «доброй старой соседкой» упрочилась и стала сердечной. После столкновения с отцом в октябре 1824 года Пушкин проводил большую часть времени у Осиповой, которая, по словам А. И. Тургенева, «как мать, любила его». В 1824 году Пушкин посвятил ей цикл стихотворений «Подражания Корану».

С тех пор каждый раз, как Пушкин приезжал в Михайловское (в 1827, 1830, 1835, 1836 годах), он наведывался в Тригорское, где всегда был желанным гостем.

Встречался Пушкин с Осиповой и в Малинниках Старицкого уезда. В сентябре 1828 года Прасковья Александровна, уезжая из Петербурга в свое тверское имение, пригласила Пушкина в гости. Он работал в это время над «Полтавой» и дождался празднования дня основания лицея — 19 октября. Сохранилось четверостишие поэта:

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав *ура*,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

И запись в протоколе: «И завидели на дворе час первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику императорского Лицея Пушкину-французу...»

В ночь на 20 октября 1828 года дорожная карета тронулась в далекий путь... Поездка в Малинники из суетного Петербурга, после неприятностей с «Гавриилиадой», радовала Пушкина. Любимая осень в живописных тверских местах сулила покой и вдохновение.

22 или 23 октября 1828 года Пушкин впервые приехал в Малинники. Хозяйка, ее дочери Анна Николаевна и Евпраксия Николаевна и падчерица Александра Ивановна обрадовались гостю безмерно. 27 октября Пушкин писал А. Н. Вульфу: «Честь имею донести, что в здешней губернии, наполненной вашим воспоминанием, все обстоит благополучно. Меня приняли с достодолжным почитанием и благосклонностию...» Из тех же Малинников Пушкин писал Дельвигу в ноябре: «Здесь мне очень весело. Прасковью Александровну я люблю душевно...» И в следующем письме к нему: «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в «Онегина», и стращают мною ребят как букою. А я езжу по пороше, играю в вист по 8 гривн роберт — и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели...»

Дружески звучит малоизвестная записка Пушкина к Осиповой, датированная 3 ноября 1828 года: «Тысяча благодарностей, сударыня, за внимание, которым вы удостаиваете вашего преданного слугу. Я бы непременно пришел к вам — но ночь внезапно застала меня среди моих мечтаний. Здоровье мое удовлетворительно, насколько это

возможно. Итак, до завтра, сударыня, и благоволите еще раз принять мою нежную благодарность».

Бывал Пушкин и в соседних поместьях у родственников П. А. Осиповой: в Бернове — у И. И. Вульфа, в Павловском — у Павла И. Вульфа, в Курове — у сестры Вульфа А. И. Понафидиной и, возможно, в Соколове — у Петра И. Вульфа. Приезжали в Малинники знакомиться с поэтом и владельцы соседних имений.

Шесть осенних недель провел Пушкин у Осиповой. 4 или 5 декабря 1828 года он простился с обитателями Малинников. Ему предстоял недолгий путь в Москву. А Прасковья Александровна с детьми решила побыть у Вельяшевых в Старице. 6 января 1829 года сюда приехал и Пушкин. На следующий день он был приглашен на семейный бал. Всего он пробыл здесь около десяти дней.

Год спустя Пушкин снова навещает Осипову. «Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд»,— писал он А. Н. Вульфу 16 октября 1829 года из Малинников. Только в первых числах ноября Пушкин отправился дальше в Петербург.

О следующей встрече Пушкина с владелицей Малинников узнаем из ее записи в календаре: «1830 г., марта, в ту минуту, когда мы собирались выехать из Малинников, приехал Пушкин... и пробыл у нас 3 дня (с 7 по 10 марта.— *Л. Ч.*)». А приятельница Пушкина Е. М. Хитрово 18 марта писала ему из Петербурга в Москву: «Мне приходится волноваться по поводу вашего здоровья — меня уверяют, что вы заболели в Торжке. Ваше бледное лицо — одно из последних впечатлений, оставшихся у меня в памяти... Завтра будет две недели с тех пор, как вы уехали».

Пушкин побывал в Старицком уезде еще только один раз, в августе 1833 года, но не застал здесь Осиповой и ее дочерей. Они были в это время в Тригорском.

Встречи в Малинниках укрепили дружбу поэта с П. А. Осиповой. В ее письме к Пушкину от 21 августа

1831 года читаем: «Будь у меня лист бумаги величиной с небо, а чернил столько же, сколько воды в море, этого все же не хватило бы, чтобы выразить всю мою дружбу к вам; и однако можно так же хорошо высказать ее в двух словах: любите меня хотя бы в четверть того, как я вас люблю, и с меня будет достаточно».

Пушкин, по свидетельству А. И. Тургенева, любил Осипову и доверял ей свои тайны. С Прасковьей Александровной поэт был в многолетней переписке. Дошедшие до нас двадцать четыре письма Пушкина и шестнадцать писем Осиповой свидетельствуют о большой дружбе и сердечной привязанности.

Все, связанное с Малинниками,— живописная природа, друзья и воспоминания о проведенных здесь счастливых днях — было дорого Пушкину. Анна Николаевна Вульф припоминала много лет спустя его шутливый экспромт:

Хоть малиной не корми,
Да в Малинники возьми.

Малинники — самое дальнее из вульфовских поместий — находилось в тридцати трех верстах от Старицы и в восьми от Бернова. Барский дом стоял на левом берегу реки Тьмы в молодой березовой рощице недалеко от дороги.

Дом этот изображен на картине художника Т. Б. Бартенева. В 1899 году в усадьбе побывал тверской краевед И. А. Иванов. Он писал так: «Старый помещичий одноэтажный дом времен Пушкина отлично сохранился; он выстроен из корабельного леса. По середине широко открытое крыльцо поддерживается колоннами из толстых сосновых бревен, комнаты низкие, глубокие и мрачные... Мебель старинная красного дерева с выгнутыми спинками» [55].

В комнатах, говорит И. А. Иванов, висели два-три зер-

кала в старинных рамах да несколько портретов. В 1923 году дом рухнул, и в настоящее время не сохранилось даже фундамента.

В первые годы революции и несколько ранее из Малинников были переданы в Пушкинский Дом Академии наук в Ленинграде портрет А. Н. Вульфа (акварель Н. Шаде), альбом Анны Н. Вульф с записями Пушкина, Дельвига, Ф. Туманского и других, три письма Пушкина к П. А. Осиповой, письмо Дельвига к П. А. Осиповой. Портреты, писанные Кипренским и Левитаном, и часть посуды были взяты на хранение в старицкий музей. Одной из последних владелиц Малинников — Е. С. Понафидиной Старицкий уисполком и Академия наук выдали охранное удостоверение на библиотеку, остаток архива и музейные ценности. Ныне в парке Малинников установлена стела с мемориальной доской, рассказывающей о посещении Пушкиным этих мест.

А. П. Голицына в ноябре 1828 года писала П. А. Вяземскому: «Говорят, что он уезжал туда, чтобы запереться и посвятить себя целиком поэзии. Я хотела бы этого от всего сердца». Ей вторила Е. А. Карамзина: «Надо надеяться, что деревня вдохновит его еще на что-нибудь прекрасное» [56].

В Малинниках он много и плодотворно работал. Поздние осенние дни 1828 года стали счастливым для него временем. Здесь Пушкин «набирал строфы» для седьмой главы «Евгения Онегина» (XXII—XXXV, XL—XLIII и заключительные LIV—LX строфы). Затем последовала окончательная отделка всей главы, завершенная 4 ноября. В ней отразились впечатления от деревенской жизни поэта:

Ее прогулки длятся доле.
Теперь то холмик, то ручей
Остановляют поневоле
Татьяну прелестью своей.

Она, как с давними друзьями,
С своими рощами, лугами
Еще беседовать спешит.
Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая...

По сохранившимся пометам на рукописях и другим признакам можно восстановить хронологию создания шедевров пушкинской лирики в Малинниках. 27 октября закончено посвящение к «Полтаве», 9 ноября написан «Анчар», 10 ноября — «Ответ Катенину». Этой же осенью в Малинниках сочинены: «Ответ Готовцевой», «В прохладе сладостной фонтанов...», «Чернь» («Поэт и толпа»), «Как быстро в поле, вкруг открытом...», «Цветок», вторая редакция «Клеопатры», «Ворон к ворону летит...» и, по-видимому, «За Netty сердцем я летаю...».

И может быть, засохший цветок в книге одной из старицких барышень внушил Пушкину чудесные строки:

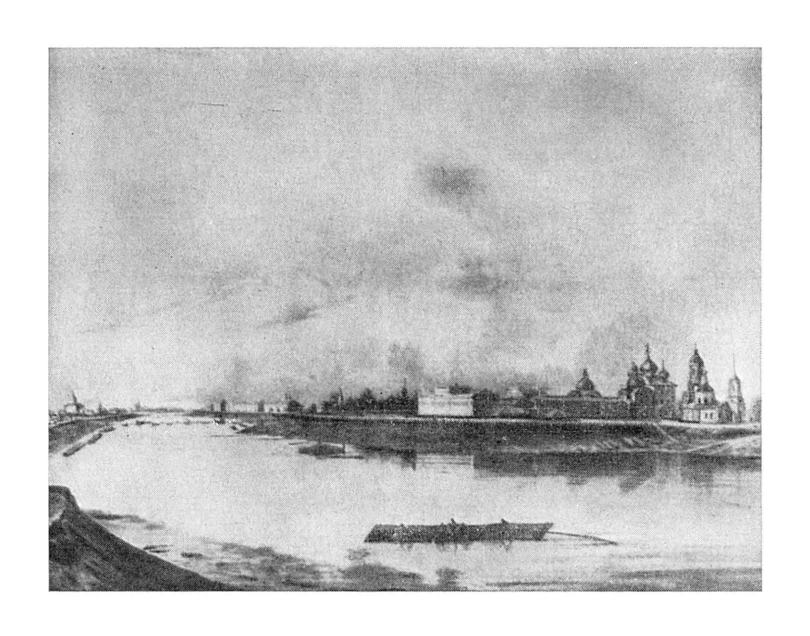
Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

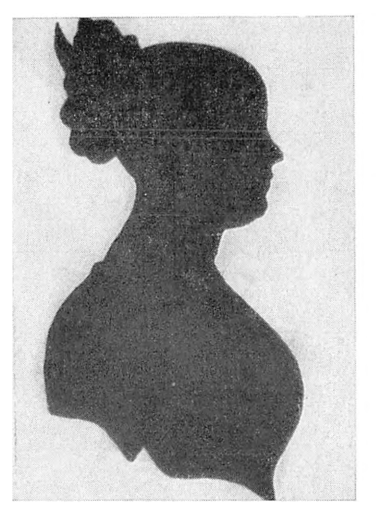
На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Кроме Малинников П. А. Осипова владела в Старицком уезде деревнями Кожухово, Негодяиха и Нива [57].

ТВЕРЬ В НАЧАЛЕ XIX в.

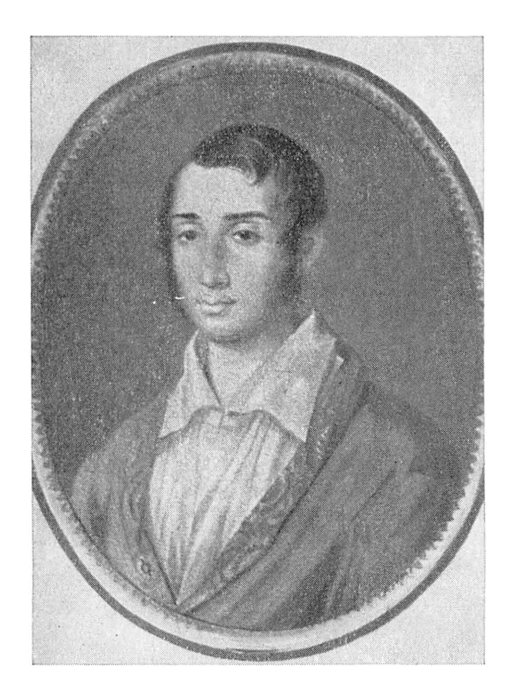

И.

А. Н. ВУЛЬФ

АННА Н. ВУЛЬФ

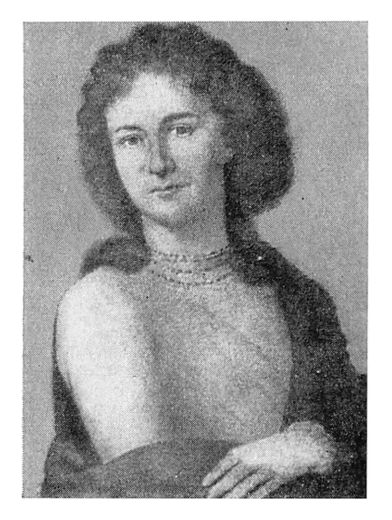
АННА И. ВУЛЬФ

И. П. ВУЛЬФ

И. И. ВУЛЬФ

Ф. Н. ГЛИНКА

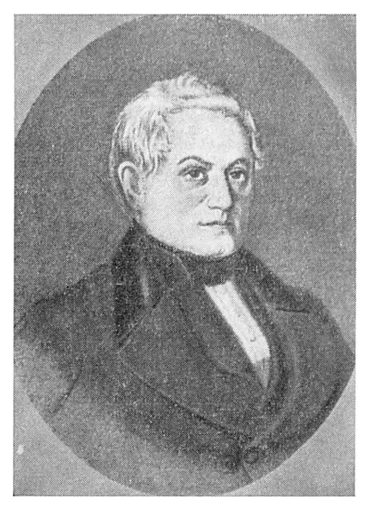
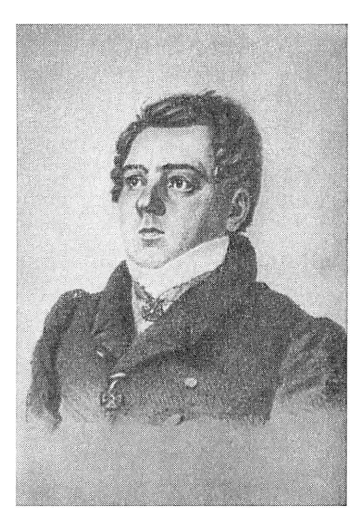
М. И. ОСИПОВА

Е. Н. ВРЕВСКАЯ

Н. Г. ВУЛЬФ

П. А. ОСИПОВА

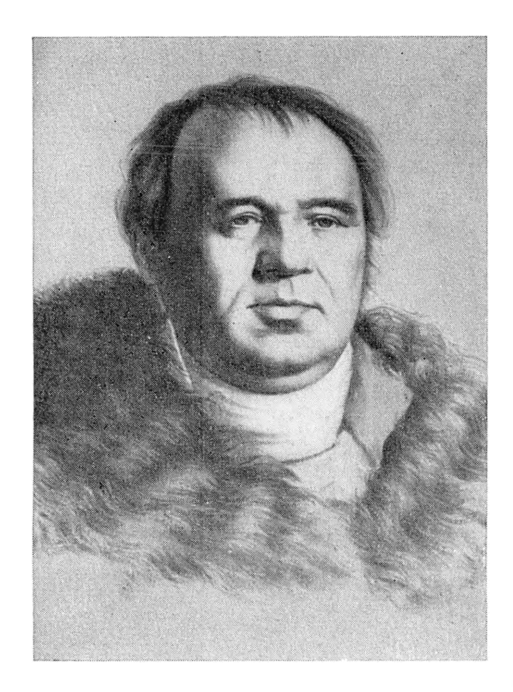
К. Н. БАТЮШКОВ

П. А. ОЛЕНИН

М. С. ОЛЕНИНА

П. И. ПОНАФИДИН

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

И. А. КРЫЛОВ

К. М. ПОЛТОРАЦКИЙ

Е. П. ПОЛТОРАЦКАЯ

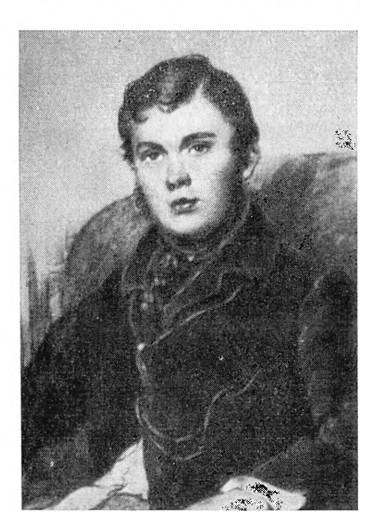
Д. Е. ПОЖАРСКАЯ

В. А. СОЛЛОГУБ

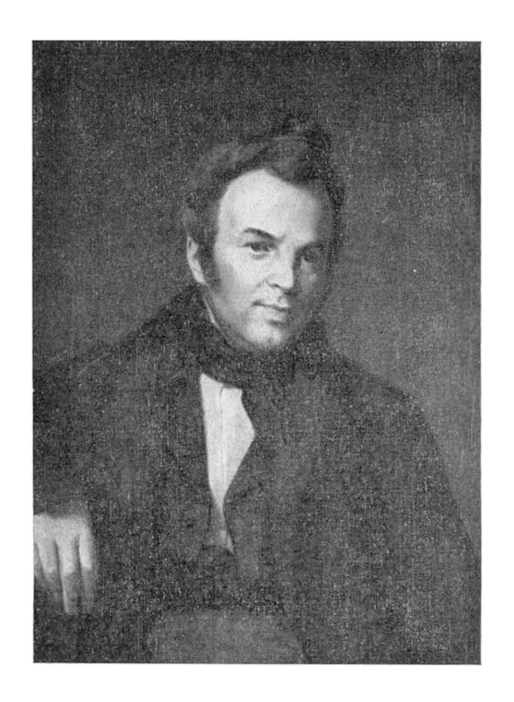

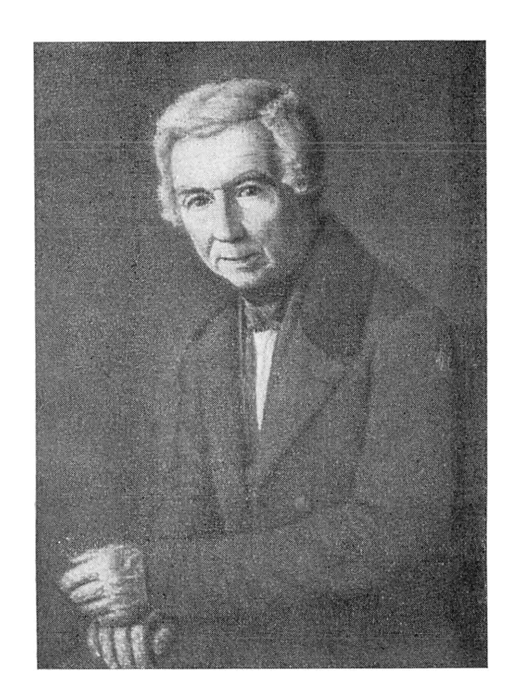
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

П. А. ПЛЕТНЕВ

Н. М. КОНШИН

И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ

В. Г. ТЕПЛЯКОВ

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ

Н. И. УТКИН

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Е. В. ВЕЛЬЯШЕВА

А. П. КЕРН

О. А. КИПРЕНСКИЙ

А. А. ПОЛТОРАЦКИЙ

А. П. БАКУНИН

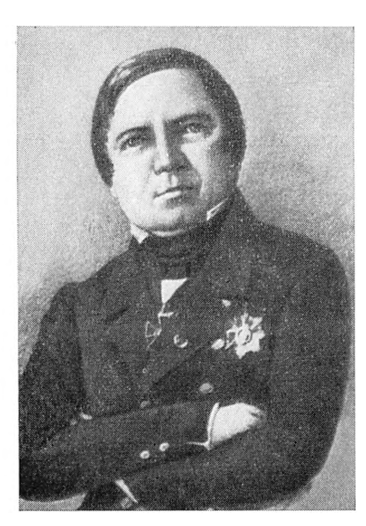
Я. Н. ТОЛСТОЙ

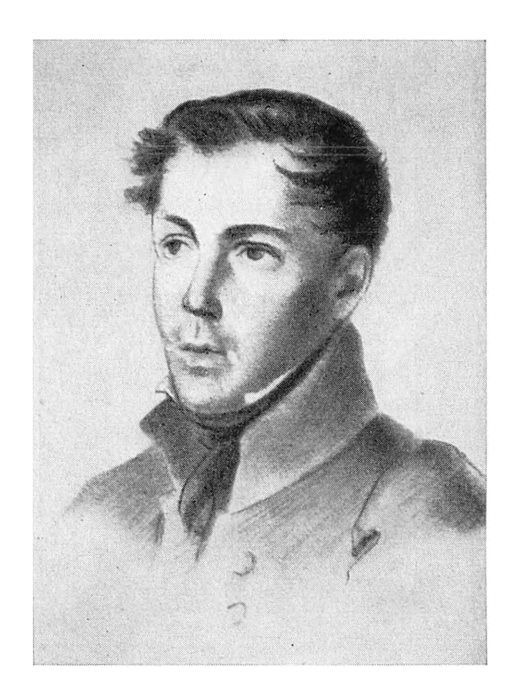
И. И. ДАВЫДОВ

Ф. Ф. МАТЮШКИН

ПИСАРЕВ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

(1805 — не ранее 1865)

Поручик Оренбургского уланского полка, брат известного писателя-водевилиста А. И. Писарева. Позднее служил по министерству государственных имуществ. Племянник и тезка этого пушкинского знакомца стал выдающимся русским критиком.

16 сентября 1829 года Пушкин писал А. Н. Вульфу из Малинников: «Писарева кто-то прибил, и ему велено подавать в отставку». Действительно, по «высочайшему повелению» от 2 января 1830 года Писарев был уволен в отставку «по домашним обстоятельствам» штабс-ротмистром.

ПОЖАРСКАЯ ДАРЬЯ ЕВДОКИМОВНА

(1799—1854)

Содержательница «славного трактира» в Торжке, дочь новоторжского ямщика, основателя заведения Евдокима Дмитриевича Пожарского.

По словам современников, «в то цветущее для Торжка время в нем существовали две очень хорошие гостиницы, из которых, одна принадлежавшая ямщичке Пожарской, пользовалась повсеместной известностью, благодаря своим котлетам особого приготовления. Сама Дарья Евдокимовна Пожарская была... простая, но хитрая ямщичка, она под видом простоты умела втираться в милость к приезжающим вельможам и пользоваться их благосклонностью. Это придавало ей значительный вес в Торжке» [58]. В. А. Жуковский называл эту гостиницу «прекрасным домом ямщика Пожарского».

Построенное в начале прошлого века здание бывшей гостиницы хорошо сохранилось и в наши дни; в нем находится клуб железнодорожников (улица Дзержинского, 48).

Двухэтажное это здание в стиле ампир украшено в верхнем этаже пилястрами, лепными карнизами и двумя эркерами. О пушкинских временах напоминают вестибюль с массивными колоннами ионического ордера и деревянная лестница с фигурными балясинами [59].

Пушкин, проезжая через Торжок, останавливался в нем около тридцати раз. Первое упоминание о трактире Пожарской — в письме поэта к С. А. Соболевскому из Михайловского от 9 ноября 1826 года. По свежим впечатлениям Пушкин советует другу:

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке.
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

20 августа 1833 года, по дороге в Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии, Пушкин снова ночевал в гостинице Пожарской и писал жене: «Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал за нечистоту белья». И 21 августа из Павловского: «Забыл я тебе сказать, что в Ярипольце (виноват: в Торжке) толстая M-lle Pojarsky, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я, встретя ее (?), ахнула...»

По-видимому, и в августе 1834 года по пути на Полотняный Завод Пушкин остановился в гостинице Пожарской. Это можно усмотреть из статьи «Путешествие из Москвы в Петербург», написанной в 1834 году: «Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием «Торжок» (в книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».— *Л. Ч.*)».

В честь Пушкина главный фасад здания бывшей гостиницы украшен мемориальной доской.

ПОЛТОРАЦКАЯ ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

(род. около 1802)

Дочь П. М. Полторацкого, младшая сестра А. П. Керн. Из дневника А. Н. Вульфа и воспоминаний Керн известно, что во второй половине 1820-х годов Пушкин был частым посетителем П. М. Полторацкого и его дочери Елизаветы, приехавших в Петербург. Несколько позднее, по словам Керн, Пушкин «пришел ко мне и, застав меня за письмом к меньшей сестре моей в Малороссию, приписал в нем:

Когда помилуст нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен».

По свидетельству А. Н. Вульфа, Елизавета Петровна была «высокого роста, с прекрасною грудью, руками и ножками и с хорошеньким личиком: одним словом, она слыла красавицею».

В письме от 27 октября 1828 года из Малинников Пушкин передал А. Н. Вульфу свой откровенный разговор с Е. П. Полторацкой о его «петербургском поведении».

По-видимому, Пушкин встречался с Елизаветой Петровной и позднее, когда приезжал в тверские места.

ПОЛТОРАЦКИЙ КОНСТАНТИН МАРКОВИЧ

(1782—1858)

Участник Отечественной войны 1812 года, он в чине генерала храбро защищал родину и удостоился высокой чести быть представленным в воспетой Пушкиным «Военной галерее 1812 года» в Зимнем дворце, среди «начальников народных наших сил».

По словам В. А. Полторацкого, его дядя Константин

Маркович любил рассказывать «эпизоды из войн в начале нынешнего столетия, а особенно подробно об Аустерлице, за который в петлице его красовался Георгиевский крест»; высоко чтил «друга своего Алексея Петровича Ермолова».

«Усадьба поражала,— рассказывал В. А. Полторацкий о поместье Полторацких Грузины под Торжком,— своей громадностью. Дом в Грузинах по масштабу и отделке мог назваться дворцом. Кроме огромной с хорами залы и знаменитой внизу галереи, в его трех этажах и двух смежных флигелях было до 120 комнат... Перед господским домом сад с роскошными цветниками, а за ним парк на 25 десятинах земли с рекой, прудами, островами, мостиками, беседками, статуями и бесчисленными затеями...» [60] А. П. Керн называла дом Полторацких «великолепным замком, построенным Растрелли», рассказывала про «золотом и мрамором отделанные апартаменты». В разбивке парка принимал участие архитектор Н. А. Львов.

По-видимому, Пушкин посетил Грузины в марте 1829 года и вручил здесь книгу Вальтера Скотта «Айвенго» мологинскому учителю А. А. Раменскому с автографом. Эта книга найдена недавно. На ее последней странице неизвестной рукой начертано: «Спб.— Новгород — Торжок — Тверь — Москва». От Торжка показана дорога на северо-запад, к Грузинам, тут же нарисована стрелка с надписью «К Полторацкому». Опубликованное в 1979 году письмо К. М. Полторацкого к своему родственнику В. П. Безобразову (от 10 мая 1829 года) подтверждает это: «Порадовал нас приезд в наши края дорогого друга нашего Александра Сергеевича Пушкина, пробыл он в наших краях порядочно... Какой это, друг мой, человек, скажу я тебе, в наших Грузинах он всех очаровал» [61].

К. М. Полторацкий владел имением Грузины (в 14 верстах от Торжка) и другими поместьями в Новоторжском и Старицком уездах [62].

ПОЛТОРАЦКИЙ ПЕТР МАРКОВИЧ

(около 1775 — после 1851)

Помещик Тверской и Полтавской губерний, надворный советник. Отставной подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка. Был женат на Екатерине Ивановне Вульф — сестре И. И., Павла И. и Петра И. Вульфов. Отец Павла, Анны, по мужу Керн, Елизаветы и Варвары Полторацких.

По словам биографа А. П. Керн, ее отец был крепостник и вольтерианец, фантазер, аферист и самодур, с великолепным размахом промотавший свои и чужие имения... Его жена Екатерина Ивановна — очень славная, больная женщина, если не вполне забитая деспотизмом и самодурством мужа, то, во всяком случае, совершенно ему подчиненная.

Пушкин встречался с Петром Марковичем в Петербурге (начало 1819-го, вторая половина 1820-х — начало 1830-х годов), а также в Малинниках в 1828 году и позднее. В середине ноября 1828 года Пушкин писал А. Н. Вульфу из Малинников о Петре Марковиче и его проделках.

ПОНАФИДИНЫ

Глава семьи Павел Иванович (1784—1869) долго служил на флоте, живал в Англии, познакомился с английской культурой. Это мы знаем из его «Писем морского офицера», изданных только в 1916 году. По словам хорошо знавшего его Алексея Вульфа, «с здравым своим рассудком приобрел он познания, которые в соединении с его благородным, в полном смысле слова, и добрым нравом делают его прекраснейшим человеком и, по этим же причинам, счастливым супругом и отцом» (дневниковая запись 1830 года). Другие члены семьи — жена Анна Ивановна, урожденная Вульф, и дети: Иван, Михаил, Николай, Анна,

Екатерина и Наталья. Пушкин общался с ними в имении Понафидиных Курово и в соседних вульфовских имениях, принадлежавших братьям Анны Ивановны.

«Из рассказов моей родной бабушки (Анны Ивановны.— *Л. Ч.*), очень умной, образованной и либеральной для своего времени, знаю, что Пушкин не раз бывал в нашем доме — в Курово-Покровском»,— писала ее внучка Анна Николаевна Понафидина. У Понафидиных в Цветной комнате, выходившей в сад, поэт, по ее словам, работал над седьмой главой «Евгения Онегина». В их семье хранились ломберный стол, за которым Пушкин любил писать, чайная чашка, подаренная ему М. И. Осиповой, и другие вещи, имевшие отношение к Пушкину.

О комическом происшествии в семье Понафидиных Пушкин рассказал в письме к Дельвигу от середины ноября 1828 года из Малинников. Взрослые Понафидины собирались в гости в Павловское, где должен был быть и Пушкин. «...Balованные ребятишки хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович (Полторацкий.— *Л. Ч.*) их взбуторажил, он к ним прибежал: дети! дети! мать вас обманывает — не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать — их повезли, и они сбежались ко мне, облизываясь,— но, увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили...» Этот случай мог быть с малолетними Екатериной и Натальей [63].

Курово-Покровское расположено в семи верстах от Бернова по течению реки Нашиги, впадающей в Тьму. У небольшого парка, спускающегося к реке, стоит с 1825 года двухэтажный с колоннами каменный дом Понафидиных, в котором бывал Пушкин. Фасад здания и внутренняя планировка его подверглись переделкам и в настоя-

щее время утратили свой первоначальный облик. Интерьер одной из комнат запечатлен на картине маслом неизвестного художника второй половины XIX века.

Кроме Курова Понафидиным принадлежали и другие имения в Старицком уезде.

ПРОКОФЬЕВА ЕВДОКИЯ

(1800—1881)

Крепостная Павла Ивановича Вульфа. Из дневниковой записи В. Черкашениновой от 26 ноября 1829 года известно, что Пушкин, бывая в гостях в Павловском, любил слушать в исполнении Дуни Прокофьевой русские народные песни.

РАМЕНСКИЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

(ум. в 1835)

Учитель сел Берново и Мологино в Старицком уезде. Один из представителей династии учителей Раменских.

Неожиданная находка в 1962 году старинной книги открыла нам неизвестную страницу в творческой биографии Пушкина, связанную с Тверским краем. Вот название этой книги: «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов. Сочинение Вальтера Скотта. Часть вторая. Санкт-Петербург. В типографии А. Смирдина, СПб, 1826». На титульном листе книги рукою Пушкина написано: «St. Petersburg, Александр Пушкин Ал. Ал. Раменскому». Далее идет уже цитированное во вступлении четверостишие из первоначального варианта «Русалки» и подпись: «1829, Грузины. Александр Пушкин».

На следующей странице — зачеркнутые строки — фрагмент из десятой главы «Евгения Онегина»:

Одну Россию в мире видя,
Лелея в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

На той же странице нарисованы виселица с пятью повешенными декабристами, весы Фемиды и профиль неизвестного мужчины. На последней странице первой части «Айвенго» неизвестной рукой начертан маршрут поэта от Петербурга в Москву со стрелкой от Торжка в Грузины [64].

Пушкин подарил роман Вальтера Скотта Алексею Алексеевичу Раменскому.

Недавний владелец этой книги, ныне здравствующий Антонин Аркадьевич Раменский, рассказал со слов деда: «Село Мологино — древнее, торговое, идут через него дороги на Новгород, Ржев, Торжок, Москву. Раменские здесь живут без малого лет двести». Алексей Алексеевич «собирал для Карамзина материалы по Тверской губернии. Он объехал все монастыри Ржева, Старицы, Зубцова, Торжка, где хранились старинные книги и рукописи, изучал их и готовил материалы для Карамзина, с которым был в переписке...» [65].

Знакомство Пушкина с А. А. Раменским могло произойти в начале марта 1829 года в имении К. М. Полторацкого Грузины. Поэт был здесь проездом в Москву, по дороге в Тифлис.

О другой встрече поэта с мологинским учителем свидетельствует позднейшая надпись его младшего брата, Александра Алексеевича, на первом томе «Истории государства Российского» Карамзина: «Сия История государства Российского, сочинения Ник. Мих. Карамзина, драгоценный дар вдовы его Екатерины Андреевны с письмом ее учителю Алексею Алексеевичу Раменскому. Первые томы были любезно доставлены в Мологино великим пии-

том Российским Александром Сергеевичем Пушкиным проездом из Санкт-Петербурга августа 22 дня 1833 года, и был сей день праздником семьи нашей» [66]. Пушкин, как это известно из его письма к жене от 21 августа из Павловского, гостил в это время в Старицком уезде у Вульфов.

РАМЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

Брат Алексея Алексеевича. В письме от 10 июня 1845 года С. Д. Полторацкий просил Александра Алексеевича отыскать в их домашнем архиве «небольшую тетрадь» — набросок «Русалки», переданную в Бернове его брату Пушкиным. Из другого письма Полторацкого от декабря того же года узнаем, что Александр Алексеевич прислал Полторацкому «великолепную копию первого пушкинского варианта «Русалки» (берновской трагедии). Судьба пушкинской рукописи и снятой с нее копии неизвестна. В московском архиве Антонина Аркадьевича Раменского сохранились различные записи Александра Алексеевича Раменского, касающиеся встречи с Пушкиным в Мологине [67].

РЕЙХМАН КАРЛ
(ум. в 1835)

Немец-агроном, управляющий имениями П. А. Осиповой в Старицком уезде, «некогда бывший гувернером в семействе Вульфов».

В августе 1833 года Пушкин был в Павловском у Павла Ивановича Вульфа и встретился здесь с «управителем Прасковьи Александровны» (Осиповой.— *Л. Ч.*) Рейхманом, о чем сообщил отсюда жене Наталье Николаевне. У поэта возникла мысль пригласить Рейхмана управляющим расстроенных имений Болдино и Кистенево в Ниже-

городской губернии; он, по-видимому, казался поэту рачительным управителем. Но П. А. Осипова умоляла Пушкина ради «его собственного покоя» не доверять Рейхману, который «хозяйничал в Малинниках 4 года, в Ниве 3 и оставил 500 душ в крайней нищете». Пушкин возражал ей в июньском письме 1824 года: «Я знаю его за честного человека, а в данную минуту это все, что мне нужно».

После десятидневного пребывания в Болдине Рейхман нашел все в таком беспорядке, что отказался от управления имениями и сообщил об этом Пушкину в письме от 22 июня 1834 года из Твери.

СИДОР

(ум. в 1888)

Крепостной П. А. Осиповой в Малинниках. По сообщениям мемуаристов, «видел здесь Пушкина и помнил его».

СИЗОВ ГЛЕБ МАРКОВИЧ

Дворовый села Бернова. В конце прошлого века рассказывал в Старице (вместе с С. М. Бородиным) тверскому краеведу И. А. Иванову о Пушкине.

СМИРНОВА ЕКАТЕРИНА ЕВГРАФОВНА

(1810 — не ранее 1886)

Дочь тверского (космодемьянского) священника Евграфа Андреевича Смирнова, уроженца села Бернова, впоследствии по мужу Синицына. Рано лишившись отца, воспитывалась в течение трех лет в семье бездетного Павла Ивановича Вульфа в Павловском. Позднее вернулась к матери в Тверь и временами гостила у Вульфов.

В своих воспоминаниях Смирнова писала о жизни Пушкина в Старице и Павловском. По ее словам, «Пушкин был очень красив; рот у него был очень прелестный с тонко и красиво очерченными губами и чудные голубые глаза... Ходил он в черном сюртуке. На туалет он обращал большое внимание» [68].

В январе 1829 года Пушкин вместе с А. Н. Вульфом посетил Павловское. Здесь Алексею Николаевичу вздумалось, по его словам, приволокнуться «за молодой, довольно смешной девочкой, дочерью прежнего берновского попа» Катенькой Смирновой, и ночью он «сделал посещение вроде гр. Нулина, с тою только разницею, что не получил пощечины».

Об этой смешной истории рассказала и Смирнова. Увидев у кровати Вульфа на коленях, она «закричала в ужасе» и прогнала его из спальни. «Пушкин, узнав это, остался особенно доволен этим и после еще с большим сочувствием относился ко мне.— Молодец вы, Катерина Евграфовна, он думал, что ему везде двери отворены...»

В очередной приезд к Вульфам Пушкин не застал здесь Смирновой и в письме от 16 октября 1829 года сообщал А. Н. Вульфу из Малинников: «Поповна (ваша Кларисса) в Твери». (Кларисса — добродетельная героиня романа английского писателя Самуэля Ричардсона «Кларисса Гарлоу».)

СУШКОВА

Барышня одного из имений вблизи Малинников. Согласно дневниковой записи В. Черкашениновой от 23 ноября 1828 года, в Малинниках собралось накануне «много барышень из соседних имений». Среди них была и Сушкова, а «в центре этого общества находился Александр Сергеевич».

ТЕПИН

Золотых дел мастер и иконописец. По словам ржевского краеведа Я. А. Тепина, в его фамильном архиве сохранился рассказ деда о случайной встрече с Пушкиным на почтовой станции Волоколамской дороги, между Зубцовом и Княжьими горами (август 1833).

УШАКОВЫ

Семья дворян Тверского уезда. «Они — родня моей родне»,— записал А. Н. Вульф в свой дневник 25 августа 1833 года.

Петр Степанович Ушаков (1801—1874) «привез из Москвы известия, что Пушкин, наконец, женился, и поклоны от тверских сестричек»,— запись в дневнике Вульфа от 28 марта 1831 года. О Екатерине Степановне Ушаковой, урожденной Лодыгиной, Е. Н. Вревская писала А. Н. Вульфу 8 февраля 1847 года: «Мне покойник Пушкин много про нее хорошего говорил».

ЧЕРКАШЕНИНОВА ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА (1802—1869)

Дочь помещицы села Сверчкова Старицкого уезда (в 16 верстах от Малинников) «поручицы» Прасковьи Ивановны Черкашениновой.

В 1914 году старицкий краевед И. П. Крылов отыскал в усадьбе Черкашениновых дневник В. В. Черкашениновой. В 1919 году этот дневник был передан в Старицкий краеведческий музей, а в годы Великой Отечественной войны утрачен вместе с архивом и экспонатами музея.

У местного краеведа Д. А. Цветкова сохранились его собственноручные выписки из этого дневника, по-видимому, не совсем точные.

Запись от 23 ноября 1828 года

«День назад я с Катей была в Малинниках. Мать хворала и не поехала. Собралось много барышень из соседних имений. Тут были сестры Ермолаевы, Катя Казнакова, Катя Вельяшева, Маша Борисова, Аня Вульф, Сушкова и другие.

В центре этого общества находился Александр Сергеевич. Я не сводила с него глаз, пока сестра Катя не толкнула меня локтем: «Ты что глаза пялишь на него, или влюбилась безумно?» А ведь и верно: я полюбила своего поэтического кумира. Катя Казнакова спела два романса, все ей аплодировали, а Пушкин, хлопая в ладоши, восклицал: «Замечательно! Превосходно!»

Меня обуяла ревность: «Противная выскочка, подумаешь, диво какое, пропищала пару романсов и стала чуть ли не героем дня! Мы тоже не лыком шиты!» И я решительно вышла на середину комнаты.

Когда я кончила петь, мне тоже громко аплодировали, мой же кумир, кончив хлопать, подошел ко мне и восторженно, смотря мне прямо в глаза, сказал: «Чудесно и бесподобно!» Зардевшись, я ответила: «Я не певица, но ваша похвала для меня весьма приятна!»

Сейчас двенадцатый час ночи, гости уехали. Продолжаю свою запись. После меня барышни начали просить Александра Сергеевича прочитать какое-нибудь свое новое стихотворение. Он, улыбаясь, отшучивался и говорил, что нового он ничего не написал. Тогда Аня Вульф (мне кажется, что она влюблена в него) попросила прочитать хотя бы экспромт.

— Экспромт, но о чем же? — спросил Пушкин.

— Ну хотя бы выразите свое заветное желание.

Пушкин немного задумался, потом, тряхнув вьющимися кудрями, громко продекламировал:

Теперь одно мое желанье,
Одна мечта владеет мной:
У ног любимого созданья
Найти и счастье и покой.

Мы в восхищении восторженно разом воскликнули: «Браво! Браво!» Этот экспромт перепишу крупными буквами и помещу в рамку. Счастливый, радостный день».

Запись от 26 ноября 1829 года

«Павел Иванович рассказал нам за вечерним чаем, что Пушкин, будучи в Павловском, любил слушать простые народные песни, которые ему напевала дворовая девушка Дуня Прокофьева. Голос у Дуни был чистый и звучный, и окружающие с удовольствием слушали ее пение...

Миллер, прельстившись красотой и голосом Дуни, просил Павла Ивановича уступить ему эту девку, на что Павел Иванович ответил: «Что вы, дорогой мой, как это можно. Ведь ее любит слушать Пушкин».

По словам Д. А. Цветкова, читавшего полностью дневник, Пушкин однажды посетил усадьбу Черкашениновых — Сверчково [69].

ЭГЕРШТРОМ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ

(1790—1853)

Отставной полковник русской службы, помещик села Федоровского Старицкого уезда, по соседству с имениями Вульфов [70].

По свидетельству мемуариста А. В. Мещерского, родные которого проживали в селе Лотошине Старицкого уезда, «из мелкопоместных помещиков, посещавших нас в то время в деревне, я припоминаю... одного заслуженного полковника и доморощенного поэта Эгерштрома, родом из шведов, замечательного тем, что он всю жизнь свою прово-

дил в своем тарантасе, постоянно посещал всех помещиков этого околотка и угощал их, при каждом посещении, вновь написанными им стихотворениями на ломаном русском языке, самого забавного содержания».

Пушкин, по словам Мещерского, написал шуточное послание к этому Эгерштрому. Вот оно, но маловероятно, чтобы эти стихи принадлежали Пушкину:

О Эгельстром, я восхищенный
Читал творения твои:
Твой стих, лишь гением внушенный,
Блестит, как солнце в ясны дни...
Пусти в печать твои творенья —
Заслужишь множество венцов,
Мы все помрем от восхищенья!
О Эгельстром! Ты царь певцов.

С этими стихами перекликается эпиграмма баснописца А. Е. Измайлова, обращенная к тому же лицу:

Пиши, о Егерштром, пиши —
В уединении, в тиши;
Читай стихи, пой и пляши,
Собой нас восхищай, смеши
И в храм бессмертия спеши,
Пиши по-шведски, по-французски,
Но более всего по-русски.
Обогати же наш язык,
Велик ты, Егерштром, велик!..[71]

О двух неизвестных стихотворениях Эгерштрома, относящихся к Пушкину, рассказывала М. С. Оленина-Львова краеведу И. А. Иванову в 1899 году. В последнем из них, по ее словам, доморощенный поэт «скромно отказывается от предложенной ему А. С. Пушкиным чести исправить одно из его произведений».

Пушкин мог познакомиться с Эгерштромом в свои приезды в Старицкий уезд (1828—1833) у Вульфов и их со-

седей или при посещении имения Н. И. Гончаровой Ярополец, расположенного поблизости от Федоровского (август 1833 — октябрь 1834 года).

ЮРГЕНЕВ АЛЕКСАНДР ТИХОНОВИЧ

(1785—1867)

Подполковник Сибирского уланского полка, расквартированного в г. Бежецке Тверской губернии. Помещик деревни Подсосенье Старицкого уезда, в трех с половиной верстах от Бернова[72]. 16 октября 1829 года Пушкин писал А. Н. Вульфу из Малинников: «Александра Ивановна (Осипова.— *Л. Ч.*) заняла свое воображение ...бакенбардами и картавым выговором Юргенева».

Старицкий краевед Д. А. Цветков прочел в дневнике «некоей Юргеневой», который до Великой Отечественной войны находился в архиве старицкого музея, следующую запись: «Вчера в Малинниках увидела Пушкина. Говорят, что он знаком с государем, но эта честь не по нему, так как видно, что взбалмошный человек». По-видимому, она — родственница А. Т. Юргенева[73].

Позднее деревня Подсосенье принадлежала внучке Юргенева Лидии Стахиевне Мизиновой (1870—1937) — приятельнице А. П. Чехова.

ЗНАКОМЫЕ ПУШКИНА, СВЯЗАННЫЕ С ТВЕРСКИМ КРАЕМ

БАКУНИН АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ
(1799—1862)

Соученик Пушкина по лицею. Директор лицея Е. А. Энгельгардт в записях «для себя» (март 1816) так отзывается о воспитаннике Бакунине: «Не имея больших талантов, он сделал во многих предметах значительные успехи... Обычно изрядно надменен, что особенно проявилось в первые годы, но, если удается его убедить в его ошибках, он готов покаяться и, насколько это ему удается, снова быть хорошим».

По окончании лицея Бакунин был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк, в 1820—1825 годах в звании поручика служил в лейб-гвардии Финляндском полку. Позднее перешел на гражданскую службу чиновником при московском военном генерал-губернаторе Д. В. Голицыне. Здесь вместе с И. И. Пущиным, Е. П. Оболенским, И. Н. Горсткиным и другими принадлежал к декабристской организации «Общество Семисторонней, или Семиугольной, звезды».

Потом Бакунин продолжал службу в Костромской губернии, был новгородским вице-губернатором, в 1842—1850 годах — тверским губернатором. Разработал карту: «Управление общее всех губерний Российской империи, не состоящих на особых положениях» (М., 1857).

В лицее Пушкин, видимо, не дружил с Бакуниным. Известно, что он был влюблен в его сестру Екатерину Пав-

ловну Бакунину. Ни разу не упомянул Пушкин Бакунина в своих произведениях и письмах. Из позднейших встреч известно лишь, что они участвовали в традиционном праздновании дня открытия лицея (1817 и 1818 годы).

Любопытно, что знаменитый революционер и теоретик анархизма М. А. Бакунин приходился Александру Павловичу троюродным братом.

БАТЮШКОВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

(1787—1855)

Поэт, один из предшественников Пушкина. Детство свое провел в родовом имении родителей — сельце Даниловском Бежецкого уезда Тверской губернии[74].

Пушкин впервые увидел Батюшкова в московском доме своих родителей. Через несколько лет Батюшков — блестящий боевой офицер и знаменитый поэт — приезжал в Царское Село, чтобы навестить подающего надежды лицеиста (1815 год). К этому времени юный Пушкин уже зачитывается стихами Батюшкова, подражает ему, учится у него. До конца своих дней он остается сторонником «школы гармонической точности», основателями которой считает Жуковского и Батюшкова — этого «чудотворца», принесшего в русскую поэзию «звуки италианские».

Личное общение Пушкина с Батюшковым было не слишком тесным и продолжительным. Они встречались в литературном обществе «Арзамас», членами которого состояли, виделись на «субботах» у Жуковского, в салоне у Олениных и в других петербургских домах. Когда Батюшков поступил на дипломатическую службу и получил назначение в Италию, Пушкин был среди тех, кто приезжал его проводить. Это было 19 ноября 1819 года. С тех пор он видел Батюшкова еще только один раз, через много лет, посетив душевнобольного поэта в Грузинах под Москвой

3 апреля 1830 года. Впечатление от этой последней встречи сказалось, видимо, в стихотворении «Не дай мне бог сойти с ума...».

Судьба Батюшкова сложилась трагически. Пережив Пушкина чуть ли не на два десятилетия, он тем не менее остался для современников и потомков его молодым предшественником, не успевшим осуществить возможности своего исключительного дарования. Он и сам понимал это и писал с горечью: «Что говорить о стихах моих!.. Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было» [75].

И Пушкин призывал критиков Батюшкова «уважать в нем несчастие и несозревшие надежды». На протяжении всей своей жизни он пристально изучал и высоко ценил то, что Батюшков успел сделать в русской поэзии. Мелодичность, благозвучие, интонационная свобода, необычайная гармония всех элементов батюшковского стиха, пластичность лирики, нетрадиционный образ автора, мудреца и эпикурейца,— все это делало Батюшкова прямым учителем молодого Пушкина.

Оба поэта осознавали эту глубокую родственность дарований. Оттого так восторгается Батюшков первыми песнями «Руслана и Людмилы»: «Талант чудесный, редкий! вкус, остроумие, изобретение, веселость. Ариост в девятнадцать лет не мог бы писать лучше...» (1818 год, письмо к Д. Н. Блудову). И через два года по поводу пушкинского стихотворения «Юрьеву»: «О! Как стал писать этот злодей».

В лицейские годы Пушкин посвятил Батюшкову два послания. Во многих стихотворениях этого времени он подражает «российскому Парни» («Городок», «Тень Фонвизина», «Воспоминания в Царском Селе» и др.). В разговорах и набросках критических статей 1824—1828 годов

Пушкин постоянно возвращается к оценке творчества и исторического значения Батюшкова. Наиболее развернутый разбор достоинств и недостатков лирики Батюшкова содержится в пушкинских заметках на полях его книги «Опыты в стихах». Исследователи находят следы влияния Батюшкова и в поздних произведениях Пушкина.

БАШИЛОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ — МЛАДШИЙ

(1807—1854)

Армейский офицер. Сын председателя Строительной комиссии в Москве сенатора А. А. Башилова, помещика Тверской губернии [76].

В дни французской революции 1830 года шеф жандармов А. Х. Бенкендорф потребовал от московских властей наблюдения за поведением и разговорами в присутственных местах. Юнкер Уланского полка А. А. Башилов, видимо, вел себя неосторожно и поплатился за это. По личному распоряжению царя он был разжалован в солдаты и сослан на Аландские острова. Вскоре, должно быть благодаря заступничеству влиятельного отца, наказание было смягчено.

Некоторую известность Башилов приобрел не службой в армии, а поэтической деятельностью. В 1820—1830-е годы он печатался в столичных альманахах — «Альбоме северных муз», «Радуге», «Невском альманахе» и других изданиях.

Пушкин, по имеющимся сведениям, относился к нему с симпатией. В начале января 1829 года Пушкин читал у С. Д. Киселева еще неопубликованную поэму «Полтава», и Башилов был в числе слушателей. К нему относится запись Н. А. Маркевича в неизданном конспекте воспоминаний о пребывании Пушкина в Москве в 1829 году: «Наш смех над Башиловым, который увивается возле дам.

Пушкин его передразнивает». Булгаринская «Северная пчела» в начале 1830 года писала: «Между московскими стихотворцами есть некто, подписывающийся А. Башилов, который в течение года наводнил журналы и альманахи своими произведениями, передразнивая князя Вяземского и А. С. Пушкина самым жалким образом...»

7 июля 1833 года Башилов пишет Пушкину из Торжка: «Вы не совсем забыли того, который первым вам обязан развитию малых своих способностей; вы поощряли меня на поприще словесности, и мои слабые начинания были освящены здравой и отчетливой вашей критикой. Я никогда не забуду времени, проведенного мною с вами в Москве; те дни памятны моему сердцу, и в теперешнем моем положении, гонимый и преследуемый роком, осталась мне одна только отрада — Воспоминание... Служа в военной службе, то есть: пресмыкаясь, а не существуя...» При письме Башилов посылает Пушкину свою книгу — «Поселянка, повесть в стихах. Сочинение А. Б.» (М., 1833) с дарственной надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного почтения от Александра Башилова. 1833 г., июля 3-го, г. Торжок». Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде.

БУДРЕВИЧ ВИКЕНТИЙ АНТОНОВИЧ

(1795 — около 1850)

Товарищ Мицкевича по Виленскому университету. Принадлежал к тайному обществу филоматов, стремившихся к «общему благу» и социальной справедливости. Мицкевич посвятил ему стихотворение «Три Будрыса». Вместе с Мицкевичем, Ф. Малевским и другими Будревич был выслан из Вильны во внутренние губернии России. Служил учителем математики в тверской губернской гимна-

зии, где и «квартировал» с 1827 по 1844 год. Пользовался большой симпатией учеников. «Окончил жизнь» у своего ученика Е. А. Поликарпова в селе Понафидине Старицкого уезда [77].

Пушкин встречался с Будревичем в осенние месяцы 1826 года в Москве. По словам М. А. Максимовича, «возвращенный из ссылки Пушкин познакомился с польским своим собратом (Мицкевичем.— *Л. Ч.*). Они часто виделись. Будревич, учитель математики в тверской гимназии, помнил, как раз Пушкин зазвал сбитенщика и как вся компания пила сбитень, а Пушкин, шутя, говорил: «На что нам чай? Вот наш национальный напиток».

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ ИВАН ЕРМОЛАЕВИЧ

(1797—1868)

Штабс-капитан расквартированных в Пскове и его окрестностях Псковского, а затем Староингерманландского пехотных полков.

В начале 1827 года Великопольский вышел в отставку, поселился в Москве и в ноябре 1831 года женился на дочери известного московского врача М. Я. Мудрова — Софье Матвеевне. Последние сорок лет своей жизни он провел в родном имении Чукавино и других имениях Старицкого уезда [78]. По словам Надежды Ивановны Чаплиной, ее отец Иван Ермолаевич «всех своих крепостных обучал грамоте и учил ремеслам... устроил школу для ребят и больницу для крестьян».

Село Чукавино расположено на живописном правом берегу Волги. Сохранились барский одноэтажный дом и прилегающий к нему парк.

Рано пробудилась у Великопольского любовь к поэзии. В петербургские годы он сблизился с друзьями Пушкина — И. И. Пущиным и А. А. Дельвигом, которым посвя-

тил стихотворные послания. Знакомство с Пушкиным могло состояться в 1819—1820 годах. Оба они состояли членами Общества любителей словесности, наук и художеств.

В годы михайловской ссылки Пушкин часто встречался с Великопольским. Связывали их литературные интересы и увлечение карточной игрой.

По словам И. И. Панаева, Великопольский — «человек с добрым и доверчивым сердцем, всю жизнь был увлекаем двумя пагубными страстями: к картам и к литературе; ни в литературе, ни в картах ему не везло... В карты Великопольского обыгрывал даже Пушкин, которого все обыгрывали, и потому, вероятно, великий поэт питал к Великопольскому какую-то ироническую нежность» [79]. Об этом свидетельствуют четыре письма Пушкина к нему (1826, 1828) и их стихотворные послания друг к другу. Вот одно из них, написанное Пушкиным в начале июня 1826 года:

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвый, то унылый;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому,
Судьба моя сходна с твоей судьбою.
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

Однажды Великопольский уплатил свой проигрыш тридцатью пятью томами французской энциклопедии XVIII века и фамильными бриллиантами. А Пушкину как-то пришлось расплачиваться печатными экземплярами второй главы «Евгения Онегина».

Обмен посланиями возобновился в 1828 году. Эти послания привели к размолвке между приятелями. Тем не менее они встречались в Москве в марте — апреле 1829 года.

В 1950 году правнучка И. Е. и С. М. Великопольских

Елена Александровна Чижова подарила московскому артисту В. С. Якуту старинный портрет двух-трехлетнего мальчика. По ее словам, этот портрет подарила их семье Надежда Осиповна Пушкина. Принято считать, что на портрете изображен Пушкин.

ВЕНЕЦИАНОВ АЛЕКСЕЙ ГАВРИЛОВИЧ

(1780—1847)

Художник. Родоначальник русской бытовой живописи. Бо́льшую часть своей жизни он прожил в Тверском крае — в селе Сафонкове Вышневолоцкого уезда.

Венецианов выстроил здесь двухэтажный деревянный дом, в котором жила его семья: жена Марфа Афанасьевна, урожденная Азарьева, и дочери Александра и Фелицата. Здесь же была и мастерская художника.

В Сафонкове Венецианов стал писать сцены сельского быта — труд крестьян в поле, на гумне и дома, а также портреты окружающих его людей, преимущественно детей. Здесь созданы шедевры художника: «Капитошка», «Параня со Сливнева», «Настя с Машей», «Гумно», «Очищение свеклы», «Спящий пастушок», «Утро помещицы», «Захарка» и многие другие [80].

В 1820 году Венецианов создал у себя собственную школу живописи из крепостных, маляров и иконописцев. Из школы вышло более семидесяти художников, среди них А. В. Тыранов, С. И. Зарянко, Г. В. Сорока, оставившие заметный след в истории русского искусства.

Перу и кисти художника-новатора принадлежат портреты Н. В. Гоголя, Н. М. Карамзина, В. П. Кочубея, М. М. Философовой.

Венецианов жил долго, умер внезапно. Утром 4 декабря 1847 года он выехал в Тверь, чтобы оформить заказ на иконостас для церкви в Калязине. На крутом спуске к

Поддубью, имению его друзей Милюковых, сани опрокинулись, и художник был «убит на месте, так что все врачебные пособия, поданные ему в ту же минуту, оказались напрасными».

Пушкин и Венецианов были знакомы по Петербургу. Они встречались в салоне В. Мусина-Пушкина-Брюса и в доме художника. По свидетельству его дочери Александры, у отца «собиралось самое образованное общество художников и литераторов, все находило удовольствие проводить у него вечера. Жуковский, Гнедич, Крылов, Козлов, Пушкин также были с ним хорошо знакомы и бывали у него иногда».

ВУЛЬФ ВАЛЕРИАН НИКОЛАЕВИЧ

(1812—1845)

Младший сын П. А. Осиповой от первого брака. Родился в Бернове. Служил в уланском полку [81]. В 1840 году вышел в отставку.

Пушкин был знаком с ним по Тригорскому и, может быть, по Малинникам.

ГАГАРИН ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

(1810—1893)

Художник-любитель, автор работ на батальные темы, этнографических зарисовок и этюдов, а также портретов.

Родился будущий художник в семье дипломата Г. И. Гагарина и большую часть своего детства и юности провел в Италии среди русских живописцев, скульпторов, архитекторов. Учился в Париже у О. Верне, а также у К. П. Брюллова, сыгравшего большую роль в его творческом формировании. О Гагарине — авторе иллюстраций к повести В. А. Соллогуба «Тарантас» В. Г. Белинский ото-

звался в 1845 году: «Один известный любитель, скрывший свое имя,— не только мастер рисовать, но и великий художник и знает Россию».

С Тверским краем Гагарин был связан как владелец села Карачарово, расположенного на правом берегу Волги в нынешнем Конаковском районе Калининской области.

В настоящее время в усадьбе Гагариных размещен пансионат. При нем есть местный историко-краеведческий музей с экспозицией, посвященной художнику.

В конце октября 1832 года Гагарин вернулся на родину и вскоре писал матери из Петербурга: «Я познакомился с Пушкиным-автором. Мы в очень хороших отношениях, я ему рисую виньетки для «Руслана и Людмилы». К этому же времени относится встреча Пушкина с Гагариным на завтраке у В. А. Мусина-Пушкина в гостинице Демута. Здесь художник выполнил групповой портрет участников завтрака.

За виньетками к «Руслану и Людмиле» последовали иллюстрации к стихотворениям «Гусар», «Пред испанкой благородной», «Песнь о вещем Олеге», «Пророк», к поэме «Кавказский пленник», к «Пиковой даме», к «Сказке о царе Салтане».

Творческие встречи Пушкина и Гагарина продолжались до отъезда художника в «чужие края» в 1834 году. В марте этого года он писал матери: «Я нахожусь в самых лучших отношениях с Пушкиным, Жуковским, Одоевским». Большой интерес представляет разговор поэта с художником о «Моцарте и Сальери». По словам Гагарина, Пушкин сказал, что «он не видит никакой разницы между «освистать» и «отравить»...

В 1844 году Опека над детьми и имуществом Пушкина предприняла новое издание сочинений великого поэта. По замыслу опекунов, «издание сие предложено произвести на лучшей бумаге, с возможной типографской роскошью

и украшением в значительном числе картинами, из которых 30 картин, принесенных князем Гагариным в дар памяти нашего поэта». Издание осталось неосуществленным. Из сюиты художника до нас дошло только три рисунка.

ГОЛОВИН НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ
(1805—1865)

Офицер, владелец села Микулино Городище [82].

В «Журнале 71-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 14 июня 1899 года» обращают на себя внимание следующие строки: «Существует предание о посещении А. С. Пушкиным Микулина Городища, вероятно, проездом в Москву или на обратном пути. В старинном микулинском барском доме хранится шляпа А. С. Пушкина».

Удалось отыскать письмо петербургского литератора Н. И. Тарасенкова-Отрешкова, адресованное жене Головина — Вере Петровне: «Зная, что покойный Александр Сергеевич Пушкин постоянно находился в весьма дружественных отношениях с супругом вашим Николаем Гавриловичем, с которым он состоит в родстве.., я вменяю себе за особое удовольствие принести вам в дар для сохранения в роде вашем препровождаемую у сего камер-юнкерскую шляпу великого нашего поэта» [83].

По словам современника, Головин был свидетелем первой встречи Пушкина с Адамом Мицкевичем.

Привлекаемые нами материалы дают право предположить, что Пушкин, проезжая из Москвы в Петербург или обратно, действительно посетил своего старого приятеля в Микулином Городище.

Село находится в сорока километрах от Старицы, на реке Шоше. Здесь сохранился собор XIV века — ценнейший памятник архитектуры.

ГРИГОРИЙ (ПОСТНИКОВ ГРИГОРИЙ)
(1784—1860)

Архиепископ Тверской и Кашинский, член Российской академии. Присутствовал на заседании академии 11 марта 1833 года, где был и Пушкин.

ДАВЫДОВ ИВАН ИВАНОВИЧ
(1794—1863)

Профессор Московского университета.

По словам биографа, Давыдов родился «в имении отца своего, небогатого дворянина в Тверском уезде, под самою Тверью... Первоначальное образование Давыдов получил в Тверском дворянском училище, где дети бедных дворян получали предварительное образование для поступления в кадетские корпуса» [84].

По окончании Московского университета (1808—1812) Давыдов занимал кафедры латинской словесности и философии, а с 1831 по 1847 год — русской словесности. Ординарный академик. Один из первых русских шеллингианцев.

И. А. Гончаров, слушавший его лекции, вспоминал позднее: «Высокого роста, несколько сутуловатый, с довольно благообразным лицом, умными серыми глазами... он держал себя с условным достоинством; речь его была плавная, исполненная приличия. Но от нее веяло холодом, напускной величавостью...»

27 сентября 1832 года Пушкин писал жене из Москвы: «Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора...» Это было в одной из аудиторий старого здания университета. «Вот вам теория искусства,— сказал товарищ министра народного просвещения С. С. Уваров, обращаясь к студентам и указывая на Давыдова.— А вот и

самое искусство»,— прибавил он, указывая на Пушкина». Давыдов читал лекцию о «Слове о полку Игореве». После него читал М. Т. Каченовский. Пушкин вступил с ними в полемику, «горячо отстаивая подлинность древнерусского эпоса... Его щеки ярко горели алым румянцем» (И. А. Гончаров).

Через несколько дней Пушкин вместе с Давыдовым и М. А. Максимовичем обедал у Уварова. Но потом, когда между Уваровым и Пушкиным вспыхнула открытая вражда, Давыдов на лекциях по русской литературе обходил молчанием имя Пушкина.

ИВАНОВ АЛЕКСАНДР

(род. в 1785)

ИВАНОВ ЗАХАР

(род. в 1796)

Крепостные П. А. Осиповой, из села Малинники Старицкого уезда. Находились «в работе» в имении Голубово Островского уезда Псковской губернии, принадлежавшем Е. Н. Вревской. 5 октября 1835 года были отправлены обратно на жительство в Малинники. Пушкин был «свидетелем и руку приложил» к их отпускному свидетельству (1835).

ИЗМАЙЛОВ АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ

(1779—1831)

Поэт-сатирик, журналист, издатель журнала «Благонамеренный» (1818—1826) и альманаха «Календарь муз» (1826—1827), председатель Общества словесности, наук и художеств. По окончании петербургского Горного кадетского корпуса (1797) служил по министерству финансов.

В ноябре 1826 года Измайлов получил назначение вице-губернатором в Тверскую губернию. Его отъезду из Петербурга в декабре 1826 года предшествовала прощальная вечеринка. Для друзей прозвучали по этому случаю стихи:

Собираюся теперь
В город древний, славный Тверь.
Скоро тройку подхвачу
И как вихорь полечу...
О любезные друзья!
Расстаюся с вами я...
Как обязан я всем вам!
Просим милости в Тверь к нам [85].

В Твери Измайлову пришлось трудно. Он восстановил против себя чиновников — взяточников и казнокрадов и вскоре был переведен на ту же должность в Архангельск.

В стихотворении «И. П. Мятлеву. На его отъезд из Твери 4 июля 1827 года» он пишет:

Ах, гости милые! Теперь
При вас мне нравится и Тверь! —
Благодарю, что посетили
Забвенного от всех певца,
Которого здесь приучили
К продаже хлебного винца.
Не любят здесь литературы
(Скажу я по секрету вам) —
Особенно из старых дам.
Клянусь, тверские все дворянки
Не стоят и одной крестьянки:
Играют в карты день и ночь
И сплетничают во всю мочь... [86]

Измайлов переписывался с Вальтером Скоттом. После своего отъезда из Твери 3 июля 1828 года он писал ему: «Судьба послала меня в Тверь... Я изнывал, я умирал в

Твери. Кроме игры в карты, там нечего было делать. Литературу никто не любил, и на сочинителей смотрели как на врагов общества, особливо на сатирических и правдивых писателей, которые говорили, что думали, о маленьких провинциальных помещиках и смеялись над ними» [87].

Знакомство Пушкина с Измайловым относится ко времени окончания Царскосельского лицея. Их можно было встретить на заседаниях Общества словесности, наук и художеств, членом которого был Пушкин, и в литературных кругах столицы. В 1818—1822 годах в «Благонамеренном» были напечатаны стихотворения Пушкина «К портрету Жуковского» и «Молдавская песня».

В начале 1820-х годов Измайлов и его литературные соратники по «Благонамеренному» с антиромантических позиций вели резкую полемику с поэтами пушкинского круга — Дельвигом, Баратынским, Кюхельбекером. Со страниц журнала сыпались эпиграммы и сатирические «послания». В ту пору и сложилось у Пушкина иронически-пренебрежительное отношение к Измайлову и его литературному творчеству, особенно к басням с их чрезмерным натурализмом.

Для литературной полемики тех лет характерны злые строки А. Ф. Воейкова из его «Дома сумасшедших»:

Вот Измайлов! Автор басен,
Рассуждений, эпиграмм.
Он пищит мне: «Я согласен,
Я писатель не для дам.
Мой предмет — носы с прыщами,
Ходим с музою в трактир
Водку пить, есть лук с сельдями.
Мир квартальных — есть мой мир [88].

С этими стихами перекликается и строфа из третьей главы «Евгения Онегина»:

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С «Благонамеренным» в руках!..

К творчеству Пушкина Измайлов относился положительно. В «Кавказском пленнике» он видит «прекраснейшие картины, описанные с натуры мастерскою рукой», первую и вторую главы «Евгения Онегина» он называет «прелестью».

В мае 1825 года на страницах «Благонамеренного» появился разбор эпиграммы Пушкина «Журнальным приятелям». «Страшно, очень страшно! — читаем в заметке.— Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть когти». Последовала оскорбительная эпиграмма Пушкина на Измайлова:

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

Эти резкие проявления литературной вражды не мешали поддерживать знакомство. Известно, например, что Пушкин общался с Измайловым. 6 декабря 1827 года на именинах у Н. И. Греча баснописец читал «забавные куплеты» в честь юбиляра. Согласно донесению агента III отделения, «Пушкин был в восторге от них, списал их и повез к Карамзиной». В 1830—1831 годах в «Литературной газете», которую издавали Дельвиг и Пушкин, было опубликовано несколько басен и стихотворений Измайлова.

КЕРН АННА ПЕТРОВНА

(1800—1879)

Дочь П. М. Полторацкого. Молодые годы Анны Петровны были омрачены взбалмошностью и деспотизмом отца. По его настоянию семнадцатилетняя девушка была выдана замуж за пятидесятилетнего бригадного генерала Е. Ф. Керна — грубого солдафона, во многом похожего на грибоедовского Скалозуба. Вскоре Анна Петровна оставила мужа и лишь после его смерти (1841) связала свою судьбу с человеком, которого любила. Была счастлива, хотя и жила в бедности.

Детство Анны Петровны связано с Тверским краем, в частности с Грузинами и Берновом. Позднее она вспоминала: «Чтобы отдохнуть от лечения и разных семейных забот и смущений, мать поехала вместе со мною и другою дочерью, которую сама кормила, к родителям своим, жившим тогда в Тверской губернии, в собственном имении Бернове... Мне было хорошо и привольно в Бернове, особенно в отсутствие батюшки: все были очень внимательны и нежны ко мне, в особенности наш бесподобный дедушка Иван Петрович Вульф» [89].

В Бернове Анна Петровна прожила четыре года. Сюда приезжали многочисленные соседи, иногда ее вывозили к ним. Запомнился ей приезд Екатерины Федоровны Муравьевой с двумя сыновьями Никитой Михайловичем и Александром Михайловичем — будущими декабристами.

Керн сама владела в Старицком уезде имением Купниково со 120 душами мужского пола [90]. Известно также, что Анна Петровна должна была получить в приданое какое-то имение в Старицком уезде со 160 душами, но ее отец продал это имение графу Шереметеву. Пушкин и Е. М. Хитрово принимали участие в хлопотах по выкупу этого имения.

На тверской земле А. П. Керн (по второму мужу Мар-

кова-Виноградская) нашла свой последний приют. Она похоронена весной 1879 года на погосте Прутня неподалеку от Торжка, на семейном кладбище ее родственников Львовых. В тени густых деревьев — ее могила. Строки из прославившего ее стихотворения Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» выбиты на мраморе надгробия.

Знакомство Пушкина с Анной Петровной состоялось в Петербурге у Олениных ранней весной 1819 года.

Как впоследствии выяснилось, ни он, ни она не забыли этой минуты, хотя знакомство возобновилось не скоро. «В течение шести лет я не видела Пушкина,— рассказывала позднее Керн,— но от многих слышала про него, как про славного поэта, и с жадностью читала «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», «Разбойники» и 1-ю главу «Онегина».

Летом 1825 года Анна Петровна неожиданно приехала в Тригорское к тетушке своей Прасковье Александровне Осиповой. Сели обедать, и «вдруг вошел Пушкин с большой, толстой палкой в руках... Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость была видна в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы скоро ознакомились и заговорили».

Анна Петровна находилась в Тригорском около месяца. Пушкин страстно влюбился в нее и выразил свое чувство в знаменитом стихотворении «К *** (Я помню чудное мгновенье...)».

...В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Потом Анна Петровна уехала. Пушкин уговаривал ее вернуться. Он писал ей: «Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое некогда произвела на меня встреча наша у Олениных...». И в другом письме: «...Если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности — в понедельник я буду весел, во вторник восторжен, в среду нежен, а в четверг игрив, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно, и всю неделю — у ваших ног».

Но Анна Петровна не вернулась, и увиделись они только в Петербурге. Керн бывала в доме у Дельвига, поддерживала знакомство с сестрой Пушкина и его родителями. К этому времени увлечение Пушкина прошло.

О своей судьбе, о дружбе с Пушкиным и другими писателями его круга Керн рассказала в содержательных и правдивых «Воспоминаниях» — ценнейшем мемуарном документе пушкинской эпохи.

КИПРЕНСКИЙ ОРЕСТ АДАМОВИЧ

(1782—1836)

Один из величайших портретистов мира, представитель романтизма в русском искусстве.

С Тверью связан относительно небольшой период жизни великого художника (апрель 1811 — март 1812), весьма продуктивный в его творчестве. Здесь в Путевом дворце жили в это время сестра Александра I — великая княгиня Екатерина Павловна и ее муж — генерал-губернатор новгородский, тверской и ярославский принц Георг Ольденбургский.

При дворе великой княгини Кипренского ценили. Художник выполнил в Твери портреты принца Георга Ольденбургского, шталмейстера двора великой княгини И. А. Гагарина, любителя искусств коллекционера картин Н. С. Мосолова, генерала Ф. П. де Волана, писал образа для местной церкви. Тверские впечатления Кипренского отразились в его пейзажах: «Волга в Твери», «Бурлаки на Волге» и «Ночной пейзаж» [91].

Здесь же Кипренский рисовал родоначальника тверских Вульфов — Ивана Петровича. По словам А. П. Керн, «этот портрет рисовался в Твери, и я стояла, облокотясь на стол, за которым сидел дедушка и смотрел па меня с любовью, в то время когда художник быстро воспроизводил милые мне черты...».

С Кипренским Пушкин познакомился летом 1827 года, по возвращении в Петербург. «Художников друг и советник» А. А. Дельвиг заказал портрет своего великого друга прославленному портретисту Кипренскому. Пушкин позировал художнику в его мастерской на Фонтанке, в особняке Д. Н. Шереметева. Кипренский создал живой, романтически одухотворенный облик гения русской поэзии. Портрет этот известен каждому школьнику. Но мало кто знает, что в первоначальном варианте портрета не было статуэтки, изображающей музу поэзии. Друзья Пушкина советовали Кипренскому украсить ею картину. «Довольны вы портретом? — спросил художник.— Довольны? Итак, я исполнил уже ваше желание и изобразил гения». Несколько позднее Кипренский все же «добавил» статуэтку.

В стихотворении, обращенном к Кипренскому, Пушкин высоко оценил мастерство художника:

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз,—

И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит:
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

КИРЕЕВСКИЙ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ

(1808—1856)

Литератор, переводчик, составитель сборника «Песни, собранные П. В. Киреевским». С его именем связан целый период в истории русской фольклористики. Собиранию народных песен Киреевский посвятил всю свою жизнь. По его словам, в условиях крепостного права «единственным достижением крестьянина, куда спрятались все его нравственно-человеческие думы и стремления, и памятью о другой, более счастливой поре была его проникнутая грустным оттенком песня».

Киреевский стал собирать народные песни с 1830 года. Ему, «главному хранителю» устных памятников народа, передавали свои записи Н. М. Языков, А. В. Кольцов, В. И. Даль, С. П. Шевырев, И. М. Снегирев, А. Ф. Вельтман, А. Х. Востоков, Н. В. Гоголь и А. С. Пушкин.

Тверскую губернию Киреевский посетил летом 1834 года. Об этой поездке узнаем из его письма к поэту Н. М. Языкову от 1 сентября того же года:

«Рассматривая карту России, думал я, что всего лучше выбрать для этого какой-нибудь маленький городок в стороне, богатый событиями историческими, и вдалеке от всякой большой дороги, а потому и от моды, и, основавши в этом городке свою главную квартиру, делать вылазки по окрестностям. Для этого, сообразуясь только с одною ланд-

картою, выбрал Осташков. Но, уже приехавши в Осташков, я узнал, что он не таков, каким я себе воображал его.

Я воображал, что я найду глушь, а вместо того нашел едва ли не самый образованный уездный городок в России, в котором всякий кузнец и всякая пряничница читает «Тысячу и одну ночь» и уже стыдится бородатых песен, а поет: «Кто мог любить так страстно...» и даже «Мчится тройка удалая...». Я надеялся еще на окрестности и прожил там с лишком два месяца, разъезжая по деревенским ярманкам» [92].

3 июля 1834 года Киреевский писал родным в Москву: «Уплыл верст за 12 от Осташково на сельский праздник... Вся моя добыча, привезенная с этой вылазки: 2 утки, 3 чайника и 20 свадебных песен». Кроме этих двадцати свадебных песен Киреевский записал в самом Осташкове двадцать семь песен и в погосте Рагоза — еще десять.

Официальная Тверь настороженно отнеслась к занятиям Киреевского в Осташкове. На запрос гражданского губернатора А. П. Толстого осташковский городничий Никольский сообщил, что собиратель платит «мелочью» бедным, «а большей частью таким из женского пола, которые знают много русских песен, которые ему диктуют, и он списывает оные для какого-то сочинения русского песенника, впрочем ничего предосудительного и соблазнительного».

Издание «Песен, собранных П. В. Киреевским» (всего их около двух тысяч) закончено только в советское время. Недавно обнаружены еще три тысячи записанных Киреевским песен и былин.

Пушкин познакомился с Киреевским осенью 1826 года и часто встречался с ним в салоне его матери А. П. Елагиной и в московских литературных кругах. В октябре того же года в числе близких друзей Киреевский слушал в чтении поэта еще не напечатанного «Бориса Годунова». Пушкин вспоминал о нем и в 1828 году, когда писал «Полта-

ву». На полях одной из рукописей он нарисовал портрет Киреевского. Позднее (в 1836 году) они виделись в Петербурге.

Великий поэт еще раньше Киреевского записывал народные песни и былины и собирался издать их. Позднее он отказался от своего замысла и в 1833 году передал Киреевскому тетрадь с пятьюдесятью песнями, собранными им в Псковской, Нижегородской и Оренбургской губерниях, среди которых была одна, сочиненная самим поэтом. «Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам»,— сказал Пушкин Киреевскому. Поэт интересовался трудами Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом. Он собирался даже написать предисловие к сборнику, но не успел осуществить своего намерения.

КОНШИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

(1793—1859)

Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, адъютант генерала А. П. Ермолова, служил штабс-капитаном и капитаном в Нейшлотском полку и командовал ротой, где под его начальством был опальный унтер-офицер Е. А. Баратынский. Под влиянием последнего он начал свою литературную деятельность. Коншин дебютировал в 1820 году посланием «Баратынскому» и позднее печатал свои стихотворения, повести и переводы в альманахах и журналах 1820-х годов. По выходе в отставку Коншин служил в Костроме, Петербурге и два года с небольшим (с сентября 1825 по ноябрь 1827 года) в тверской казенной палате.

Впервые о поэте Коншине, как слепом подражателе

Баратынского, Пушкин упомянул в письме к брату в начале 1825 года из Михайловского. Личное знакомство поэтов состоялось, по-видимому, по возвращении Пушкина из ссылки в Петербург.

В издававшемся Коншиным (совместно с Е. Ф. Розеном) альманахе «Царское Село» на 1830 год были опубликованы стихотворения Пушкина «Зимнее утро», «Загадка (При посылке бронзового сфинкса...)» и «Из Гафиза».

Частые встречи Пушкина с Коншиным относятся к лету 1831 года. Это было в Царском Селе, где поэт жил с молодой женой. Коншин служил в это время правителем канцелярии главноуправляющего Царским Селом и дворцовым правлением. Оторванный от столицы холерными карантинами, Пушкин получал через Коншина газеты и журналы, узнавал о современных событиях. По выходе в свет книги «Две повести Н. Коншина (Из его записок о Финляндии)» (1833) автор прислал свое сочинение Пушкину с дарительной надписью. В феврале 1834 года Коншин просил поэта о заступничестве за протодьякона Ф. Ф. Лебедева, исключенного из царскосельской придворной церкви за пьянство.

В конце 1836 года стало известно, что И. И. Лажечников оставляет пост директора тверской гимназии и народных училищ. «Мне хочется получить это место,— писал Коншин Пушкину 20 декабря 1836 года из Царского Села.— Мне необходима поддержка здесь...» К министру просвещения С. С. Уварову — своему злейшему в это время врагу — Пушкин обратиться не решился, но через В. А. Жуковского добился назначения Коншина. «Заняв место Лажечникова,— писал Пушкин Коншину в декабре 1836 года,— не займетесь ли Вы, по примеру Вашего предшественника, и романами? а куда бы хорошо! Все-таки Вы меня забыли, хоть наконец и вспомнили...»

В мае 1837 года Коншин был утвержден в должности

директора училищ Тверской губернии и прослужил здесь до 1849 года.

Он многое сделал для просвещения Тверского края и проявил себя хорошим педагогом и общественным деятелем.

«Романами» Коншин не занялся. Его внимание привлекла отечественная история. Им написаны «Взгляд на древнюю Тверь», «Об Оршинском монастыре и открытых в нем древностях» и другие исторические сочинения.

В бумагах Коншина отыскалось его неизвестное стихотворение «Первая поездка к вам» с описанием дороги из Твери в Берново (1838):

Я взглянул в ваш край счастливый,
Вашим кланялся богам,
Но узнал, что бес ревнивый
Стережет дорогу к вам:
Все беды без промежутка,
Рвы и реки на пути,
И от Медного не шутка
До Бернова довезти!
На извилистых дорожках
Ни приметы, ни версты;
То грозят на курьих ножках
Допотопные мосты,
То пугает бес лукавый
Быть под горкой на боку,
То по горло переправой
Вас потащит чрез реку;
Мнишь: аминь дороге тряской,
Цель сердечная близка,
Глядь — опять перед коляской
Змеем кинулась река... [93]

По этой дороге многократно проезжал Пушкин.

КОРНИЛОВЫ

Александр Алексеевич (1801—1856) — лицейский товарищ Пушкина, прапорщик лейб-гвардии Московского

полка, позднее — полковник, с 1832 года на гражданской службе. Привлекался по делу декабристов.

По мнению директора Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардта, Корнилов «в своей наружности очень небрежен, а в поведении до неуклюжести невоспитан. Он не умен, но имеет хорошую память и делает в формальных науках довольно значительные успехи. Характер у него открытый и чрезвычайно добродушный». По отзыву лицеиста М. А. Корфа, у Корнилова «светлая голова и хорошие дарования». В литературных занятиях лицеистов Корнилов участия не принимал, и Пушкин ни разу не упоминает его в своих произведениях и письмах. Позднее — в октябре 1817, 1827 и 1832 годов Пушкин и Корнилов отмечали вместе день основания лицея.

Пушкин был также знаком с отцом Александра Алексеевича — Алексеем Михайловичем (1763—1843), автором книг «Замечание о Сибири сенатора Корнилова» и «Сигналы, посредством коих производятся тактические действия гребного флота», сенатором. 19 февраля 1832 года Пушкин и А. М. Корнилов присутствовали на знаменитом обеде у А. Ф. Смирдина по случаю переезда его книжного магазина и библиотеки на Невский проспект.

Семья Корниловых жила в сорока двух верстах от Старицы, в поместье Рясня[94]. Здесь прошли детские и юношеские годы прославленного адмирала Владимира Алексеевича Корнилова, который приходился лицеисту, однокашнику Пушкина, родным братом.

КРЫЛОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ

(1768, по другим данным — 1769—1844)

Детские годы великого баснописца связаны с Тверью. Его отец Андрей Прохорович, отставной капитан, по выходе в отставку в 1775 году, приехал сюда к своей матери

Матрене Ивановне и в течение двух лет до самой смерти служил председателем губернского магистрата. Жили в Твери Крыловы бедно. Не зря сказано в крыловской «Оде, выбранной из псалма 87-го»:

Средь нужды, нищеты и горя,
Как средь бушующего моря,
Я взрос от самых юных дней —
И днесь от бедства не избавлен,
Как лист иссохший я оставлен
Среди ярящихся огней... [95]

В 1777 году малолетнего Ивана записали на службу — в калязинский нижний земский суд подканцеляристом. В июне следующего года он был переведен в Тверской губернский магистрат, под начало к отцу. Первое время мальчик лишь числился на службе, но вскоре пришлось ему и в самом деле являться в присутствие и переписывать бумаги. Отец умер, когда Крылову не исполнилось еще и десяти лет. В августе 1782 года Мария Алексеевна с детьми Иваном и Львом переселилась в Петербург.

В Твери юный Крылов много читал, овладел французским и немецким языками. По словам биографа, будущий баснописец «с детства любил... бродить по городу. Все закоулки и улицы в Твери были ему известны, и всюду он имел товарищей. Иван Андреевич посещал с особым удовольствием народные сборища, торговые площади, качели и кулачные бои, где толкался между пестрою толпою, прислушиваясь с жадностью к речам простолюдинов. Нередко сиживал он по целым часам на берегу Волги против плотомоек, и когда возвращался к своим товарищам, то передавал им забавные анекдоты и поговорки, которые уловил из уст словоохотливых прачек, сходившихся на реку с разных концов города, из дома богатого и бедного: может быть, эти забавные россказни были богатыми темами и для многих его басен» [96].

Пушкин высоко ценил творчество Крылова. Еще в раннем лицейском стихотворении «Городок» поэт упоминает ненапечатанную пьесу Крылова «Подщипа, или Трумф» и доброжелательно отзывается о «шутнике бесценном». В зрелые годы он неизменно проявляет большой интерес к творчеству Крылова, считая, что тот «превзошел всех наших баснописцев». Пушкин писал П. А. Вяземскому по поводу его статьи «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева»: «Грех тебе унижать нашего Крылова... И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова». Пушкин видел в Крылове выразителя «духа русского народа», называл его «во всех отношениях самым народным нашим поэтом».

Знакомство Пушкина с Крыловым состоялось в 1817—1819 годах, когда они встречались в Петербурге в салоне Олениных, у других общих знакомых, в театре. По возвращении Пушкина в Петербург из ссылки (лето 1827) их дружеское общение продолжается. Они вместе навещали Олениных на их даче в Приютине, встречались на различных обедах и приемах, в частности, на знаменитом обеде у Смирдина по случаю переезда его книжного магазина на Невский проспект (1832), бывали на заседаниях Российской академии, членами которой оба состояли, виделись в салоне В. Ф. Одоевского и на литературных «субботах» у Жуковского (1836). Пушкин посещал Крылова в Публичной библиотеке и на его квартире в доме библиотеки. Во время одной из таких встреч Пушкин записал рассказ Крылова о Пугачевском бунте, участии в его подавлении отца баснописца и использовал этот рассказ в своей «Истории». Александр Сергеевич побывал у Крылова «за день или два до дуэли с Дантесом», а 1 февраля 1837 года Крылов в числе ближайших друзей Пушкина выносил его гроб после отпевания в Конюшенной церкви.

КУНИЦЫН АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

(1783—1840)

Родился в селе Кой Кашинского уезда. Учился в уездном духовном училище и в Тверской семинарии [97]. Образование завершил в Петербургском педагогическом институте и Геттингенском университете (в одно время с будущим декабристом Н. И. Тургеневым).

Куницын преподавал в Царскосельском лицее нравственность, логику и юридические науки. Широко образованный ученый с самостоятельным образом мышления, он запомнился лицеистам своей знаменитой речью, произнесенной при открытии лицея в присутствии Александра I, где громко звучали слова о гражданском долге, а царь не был даже упомянут.

> Вы помните: когда возник лицей,
> Как царь для нас открыл чертог царицын.
> И мы пришли. И встретил нас Куницын
> Приветствием меж царственных гостей...—

писал Пушкин в стихотворении, посвященном 25-летию лицея (1836).

Куницын рассказывал в своих лекциях о равенстве всех граждан перед законом, о необходимости замены абсолютизма республиканским образом правления, ликвидации крепостного права. Пушкин, по свидетельству И. И. Пущина, «охотнее всех других классов занимался в классе Куницына».

В 1819 году Куницын и Н. И. Тургенев предполагали создать общество для издания общественно-политического журнала «Россиянин XIX века» и привлечь к нему Пушкина.

В 1821 году Куницын был смещен с занимаемых кафедр и исключен со службы по министерству народного просвещения за изданную им книгу «Естественное право»,

в которой, по мнению правительства, содержались «весьма вредные, противоречащие истинам христианства и клонящиеся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных» мысли и утверждения. Пушкин гневно осудил запрещение книги в «Послании цензору» (1822):

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь:
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом...

Надпись Пушкина на книге «История Пугачевского бунта» — «Александру Петровичу Куницыну от автора в знак глубокого уважения и благодарности. 11 января 1835» — является единственным документальным свидетельством их общения после высылки поэта из Петербурга. По словам П. А. Плетнева, Пушкин о лекциях Куницына «вспоминал всегда с восхищением и лично к нему до смерти своей сохранил неизменное уважение».

В честь знаменитого земляка на родине Куницына установлена мемориальная доска.

ЛАЖЕЧНИКОВ ИВАН ИВАНОВИЧ

(1792—1869)

Писатель, автор исторических романов «Последний Новик», «Ледяной дом» и других произведений. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, в 1831—1837 годах — директор тверской гимназии и народных училищ, в 1843—1853 годах — тверской вице-губернатор. Это был порядочный и добрый человек, он располагал к себе, по словам современников, «с первого взгляда своею простотою, мягкостью, благодушием».

Знакомство Пушкина с Лажечниковым состоялось в декабре 1819 года в Петербурге при необычных обстоятельствах. Пушкин слушал в театре «пустую» пьесу, зевал, шикал, говорил громко. Сидевший с ним рядом майор Денисевич «с блестящими, жирными эполетами и с душою трубочиста» высказал неудовольствие поведением соседа, и дело дошло бы до дуэли, если бы не вмешался добродушный Лажечников. Через несколько дней будущий романист встретил Пушкина в театре и поздравил его с успехом поэмы «Руслан и Людмила», тогда еще неоконченной. «О! Это первые грехи моей молодости»,— ответил поэт.

Больше они никогда не встречались, несмотря на частые проезды Пушкина через Тверь, где жил тогда Лажечников.

В декабре 1831 года Лажечников прислал Пушкину первые части романа «Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого», снабдив их дарительной надписью: «Первому поэту русскому Александру Сергеевичу Пушкину с истинным уважением и совершенною преданностью подносит сочинитель». С нетерпением ждал поэт выхода второго романа «Ледяной дом», из коего «прекрасный отрывок» читал в альманахе «Денница» на 1834 год. В ноябре 1835 года Пушкин благодарил Лажечникова за его «прекрасные романы», отмечая, что в художественном отношении «Ледяной дом» выше «Последнего Новика». Вместе с тем поэт упрекал романиста за идеализацию образа Волынского и другие отступления от исторической истины. Пушкин возражал против концепции автора, согласно которой «в историческом романе истина всегда должна уступить поэзии, если та мешает этой». Неприемлемы были для Пушкина и консервативные взгляды Лажечникова. По-видимому, к личному общению с ним Пушкин не особенно стремился.

На пути из Москвы в Петербург в середине мая

1836 года Пушкин, остановившись в Твери, прислал Лажечникову с почтовой станции коротенькую записку: «Я все еще надеялся, почтенный и любезный Иван Иванович, лично благодарить вас за ваше ко мне благорасположение, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преследует.— Проезжаю через Тверь на перекладных и в таком виде, что никак не осмеливаюсь к вам явиться и возобновить старое, минутное знакомство...»

Не везло и Лажечникову. Позже он вспоминал: «В последних числах января 1837 года приехал я на несколько дней из Твери в Петербург. 24-го и 25-го был я у Пушкина, чтобы поклониться ему, но оба раза не застал его дома... Нельзя мне было останавливаться долее в Петербурге... 29-го Пушкина не стало...

Потух огонь на алтаре!» [98]

Свыше двадцати лет Лажечников провел на тверской земле. В 1835 году он купил у Болховских имение Коноплино в Старицком уезде и после выхода в отставку в мае 1837 года переехал туда на жительство. В одном старом документе читаем: «Это имение находится в 6 верстах от города Старицы, на самом берегу Волги, при впадении в нее речки Коржачки, и отличается красивой местностью. В имении трехэтажный каменный дом, состоящий из 22 больших комнат». Когда указывали Лажечникову, что его имение «маловыгодно, он отвечал, что все это знает, но что он только хочет иметь хороший вид и хорошее местоположение».

ЛИТТА ЮЛИЙ ПОМПЕЕВИЧ

(1763—1839)

Граф Литта, итальянец по происхождению, был членом Государственного совета, старшим обер-камергером императорского двора.

По словам современника, «графу Литте было около 70 лет, но в парике он казался не старше 50-ти. Он был исполинского роста и так же толст, как Лаблаш, но более подвижен и с ног до головы вельможа... Он был вдовец и жил один, но роскошно, в доме своем на Английской набережной». Жена Литты — графиня Екатерина Васильевна Скавронская, урожденная Энгельгардт, племянница Потемкина, одна из самых «обворожительных и богатых дам» тогдашнего Петербурга — умерла в 1829 году.

В «Журнале 73-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 28 февраля 1900 года» говорится, что «в селе Кимры Корчевского уезда проживал в начале нынешнего столетия (XIX века.— *Л. Ч.*) граф Юлий Помпеевич Литта... В 1799 году петербургский генерал-губернатор граф Пален объявил графу Литте высочайшее повеление о выезде из Петербурга. Литта был выслан с женой в село Кимры, еще со времени императрицы Елизаветы Петровны принадлежавшее Скавронским. В 1810 году Литта из Кимр опять прибыл в Петербург».

В начале 1900-х годов в помещении волостного правления села Кимры висели портреты графа Литты и его жены. Пушкин как камер-юнкер был подчинен ему по придворной службе. Поэту приходилось выдерживать неприятные объяснения с Литтой всякий раз, как он пренебрегал своими «обязанностями», которыми крайне тяготился, как и необходимостью бывать при дворе.

16 апреля 1834 года Пушкин записал в своем дневнике: «Нашел у себя на столе приглашение на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь, ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресенье».

ЛЬВОВ ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ

(1784—1849)

Сын выдающегося зодчего Николая Александровича Львова, автора архитектурных шедевров, построенных на тверской земле, в Москве и Петербурге. Чиновник министерства иностранных дел, коллежский советник, почетный смотритель тверской губернской гимназии.

Летом 1834 года Пушкин обратился к Львову (который приходился родственником поэту Державину) с просьбой достать ему «бумаги Державина по пугачевщине». В письме к К. М. Бороздину от 28 июля 1834 года Дарья Алексеевна Державина, вдова поэта, просила передать Леониду Николаевичу «дабы он извинился перед Пушкиным и сказал бы ему, что прежде моего приезда удовлетворить его нельзя по той причине, что оная бумага не одно Пугачевское дело в себе заключает, следственно посему надо прежде оную рассмотреть».

МАКСИМОВ СЕРГЕЙ

(род. в 1800)

Крепостной П. А. Осиповой, из села Малинники Старицкого уезда. Находился «на работе» в имении Голубово Островского уезда Псковской губернии, принадлежавшем Е. Н. Вревской. 5 октября 1835 года был отправлен обратно на жительство в Малинники. Пушкин был «свидетелем и руку приложил» к его отпускному билету (1835 год).

МАНЗЕЙ НИКОЛАЙ ЛОГГИНОВИЧ

(1784—1862)

По словам его биографа, Манзей «служил в 1812 году в Тверском ополчении в конно-казачьем полку в чине 8-го

класса и, находясь под командою генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, был с партиею в сражении с французами и поражения их при г. Вязьме. В 1813 году был адъютантом у Голенищева-Кутузова, в 1817 году был в путешествии с в. к. Николаем Павловичем по России и за границею, и тверским губернским предводителем дворянства в 1839—1841 гг.».

Род Манзеев внесен во вторую часть родословной книги Тверской губернии. Логгин Михайлович был директором вышневолоцкой водяной коммуникации.

В лицейские годы Пушкина Манзей служил ротмистром в расквартированном в Царском Селе лейб-гвардии гусарском полку. Поэт был близко знаком со многими офицерами полка (П. Я. Чаадаевым, Н. Н. Раевским-младшим, П. П. Кавериным и другими), и можно с уверенностью предположить, что встречался с Манзеем. В июне 1833 года Пушкин вместе с Манзеем посетил приехавшего в Петербург П. В. Нащокина.

МАТЮШКИН ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ

(1799—1872)

Воспитанник Царскосельского лицея. Е. А. Энгельгардт в «записях для себя» отзывается о Матюшкине (1816): «Тихая, добрая душа, которая делает именно то, что должна... У него есть склонность к морской службе».

При содействии Энгельгардта Матюшкин определился на шлюп «Камчатка» под командованием В. М. Головнина и совершил кругосветное плавание. Позднее участвовал в Северной экспедиции Ф. П. Врангеля и с ним же в 1825 году — в экспедиции на шлюпе «Кроткий».

По роду службы Матюшкин приезжал в 1860-е годы в Тверь «инспектировать находившиеся здесь экипажи».

За несколько лет до смерти Матюшкин приобрел себе

близ станции Бологое (ныне Калининская область) дачу Заимка, на покатом берегу озера с тенистым садом. Здесь он увлекался охотой и рыбной ловлей и «отдыхал в полной тишине среди сельской природы». По свидетельству современницы, «свою Заимку он очень любил», но был частым гостем и в соседней усадьбе своего друга, лицеиста II курса Д. А. Эристова, знакомого Пушкина.

Незадолго до смерти, в последний свой отъезд отсюда, Матюшкин, «садясь в экипаж, приказал кучеру ехать шагом», прощался с дорогими его сердцу местами. Он даже хотел, чтобы после его смерти в близрасположенной церкви хранились его «адмиральские флаги».

В честь друга Пушкина одна из улиц города Бологое названа именем Матюшкина.

Пушкин в лицее был всего дружнее с Дельвигом, Пущиным и Кюхельбекером, а по окончании его еще с Матюшкиным. Летом 1817 года, перед кругосветным путешествием, Пушкин делает ему «наставление, как вести Журнал путешествия» и рекомендует «настоящую манеру записок, предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы».

В михайловской ссылке, в дорогой для них день основания лицея, Пушкин посвятил другу теплые строки:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Бывая в Петербурге, Матюшкин виделся с Пушкиным. Они встречались на лицейской годовщине 1834 года и у

«лицейского старосты» М. Л. Яковлева в день его именин 8 ноября 1836 года. Смерть великого поэта Матюшкин воспринял как личное горе и осудил его убийцу. 14 февраля 1837 года он писал М. Л. Яковлеву из Севастополя: «Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука?», и позднее: «После смерти Пушкина годы моей жизни стали однообразней и так, словно разрешился какой-то до сего не разрешенный, но полный надежд вопрос о моей жизни».

МЕЩЕРСКИЕ

Отставной майор Иван Сергеевич Мещерский (1775—1831) и его жена Софья Сергеевна, урожденная Всеволожская (1775—1847). Их сын — Петр Иванович (1802—1876) служил в лейб-гвардии гренадерском полку капитаном, в ноябре 1826 года вышел в отставку с чином подполковника. По словам его биографа, Мещерский был «человек честный и добродушный, но задирчивый; он уступал в смысле ума и силы характера своей супруге, которая играла в семье первую роль». Его супругой (с апреля 1828 г.) была старшая дочь историографа Н. М. Карамзина — Екатерина Николаевна (1806—1867). Жили они в Петербурге и тверских имениях.

Пушкин встречался с Мещерскими-родителями в Москве, где они проживали, и с молодоженами — в Петербурге, в близких ему семьях Карамзиных и Вяземских.

В мае 1834 года Мещерские уезжали на целый год в «чужие края», и Пушкин провожал их до Кронштадта. В последние месяцы жизни поэта Мещерские постоянно встречались с Пушкиным. По свидетельству К. К. Данзаса, когда весть о роковой дуэли с Дантесом распространилась, «один за другим начали съезжаться к Пушкину друзья его: Жуковский, князь Вяземский, граф М. Ю. Виельгорский, князь П. И. Мещерский... Все эти лица до самой

смерти Пушкина не оставляли его дома и отлучались только на самое короткое время» [99].

16 февраля 1837 года Екатерина Николаевна писала своей золовке М. И. Мещерской о резонансе, вызванном трагической гибелью Пушкина: «Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь думал и сожалел о краткости его блестящего поприща». Значительную часть времени Мещерские проживали в селе Лотошине Старицкого уезда [100].

ПАВЛИЩЕВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

(1795—1863)

Брат Николая Ивановича Павлищева, женатого на сестре Пушкина Ольге Сергеевне. Участник Отечественной войны 1812 года, в 1826 году капитан лейб-гвардии конно-егерского полка, с 1833 года командир Каргопольского драгунского полка, впоследствии генерал-лейтенант. В качестве асессора (судьи) участвовал в комиссии, которая осудила штабс-капитана А. И. Алексеева за распространение запрещенного цензурой отрывка из стихотворения Пушкина «Андрей Шенье» (1825).

20 апреля 1825 года Анна Николаевна Вульф писала Пушкину из Малинников: «К нам приехал из Новгорода еще один приятный человек, г. Павлищев, большой музыкант; он мне сказал, что знает вас». Надо думать, что Павлищев говорил о личном знакомстве с поэтом. Через два с половиной года они должны были встретиться на свадьбе Ольги Сергеевны и Николая Ивановича.

ПЕТРОВ МАТВЕЙ
(род. в 1790)

Крепостной П. А. Осиповой, из села Малинники Старицкого уезда. Находился «на работе» в имении Голубово Островского уезда Псковской губернии, принадлежавшем Е. Н. Вревской. 5 октября 1835 года был отпущен обратно на жительство в Малинники. Пушкин был «свидетелем и руку приложил» к его отпускному билету (1835 год).

ПИМЕН ИЛЬИЧ

Буфетчик П. А. Осиповой в Тригорском, позднее в Малинниках Старицкого уезда. О нем упоминают в своих устных рассказах, известных в позднейших записях, М. И. Осипова и Н. Ф. Кудрявцева. По их словам, Пимен Ильич «попал в повесть»; Пушкин будто бы «ввел его в свои стихи» (что они имеют в виду — неясно).

ПЛЕТНЕВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1792—1865)

Близкий друг Пушкина.

Сам Плетнев полагал, что родился в Твери, однако первые биографы утверждают, что место его рождения — Бежецкий уезд Тверской губернии. Вопрос этот, за недостатком документальных данных, пока не решен. Происходил Плетнев из духовного сословия, учился в Тверской духовной семинарии, которую окончил в 1811 году [101]. Вскоре уехал в Петербург и завершил свое образование в Педагогическом институте, преобразованном позднее в университет.

С 1832 года Плетнев — профессор университета по кафедре российской словесности, с 1840 по 1861-й — его ректор.

Хорошо знавший Плетнева П. А. Вяземский так отзывается о нем: «Заслуги, оказанные им отечественной литературе, не кидаются в глаза с первого раза, но они отыщутся и по достоинству оценятся при позднейшей разработке и приведении в порядок и ясность действий и явлений современной ему литературной эпохи» [102].

И. С. Тургенев, окончивший Петербургский университет в 1837 году, так отзывался о своем учителе: «...Незыблемая твердость дружеских чувств и радостное поклонение поэтическому — вот весь Плетнев».

Пушкин познакомился с Плетневым в 1816 году в доме своих родителей. В 1817—1820 годах они постоянно виделись на литературных «субботах» у Жуковского. Плетнев приятельствовал с Дельвигом и Кюхельбекером. Пушкин, однако, сблизился с ним не сразу. Еще в 1822 году поэт иронически отзывается о поэтических опытах Плетнева, в частности о стихотворении «Батюшков из Рима». Письмо с этим отзывом попало в руки Плетнева, и благодушный автор в поэтическом послании благодарил Пушкина за суровую критику:

Я узнаю судью моих стихов,
А не льстеца с улыбкою холодной...

Несколько позже Плетнев берет на себя хлопоты по изданию сочинений Пушкина. При его участии были напечатаны первая глава «Евгения Онегина» и «Стихотворения Александра Пушкина» (1826). Переписка с опальным поэтом и оказанные ему услуги вызвали у правительства подозрение в неблагонадежности Плетнева и послужили поводом к негласному наблюдению за ним. По возвращении Пушкина в Петербург из ссылки Плетнев становится одним из ближайших его друзей. При деятельном его участии были изданы отдельные главы «Евгения Онегина», «Граф Нулин», «Полтава», «Борис Годунов», «Повести

Белкина» и др. «Я имел счастие в течение двадцати лет пользоваться дружбою нашего знаменитого поэта,— вспоминает позднее Плетнев.— Я был для него всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром». Плетнев принимал деятельное участие в издании «Северных цветов» и «Литературной газеты» и был одним из ближайших сотрудников Пушкина по изданию «Современника».

Как известно, «Евгений Онегин» посвящен Плетневу:

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Плетневу принадлежат мемуарные рассказы и критические статьи о Пушкине, любовь к которому он сохранил до самой смерти.

ПОЛТОРАЦКИЕ

Варвара Дмитриевна, урожденная Киселева (1798—1843), и ее муж Алексей Маркович (1759—1843) — тверской губернский предводитель дворянства (1815—1822, 1833—1839), действительный статский советник. А. М. Полторацкий был начальником 4-го пешего казачьего полка в Тверском ополчении 1812 года.

20 июня 1828 года племянница В. Д. Полторацкой А. А. Оленина записала в своем дневнике о состоявшейся накануне встрече с Пушкиным на обеде у ее тетки (Петербург). Пушкин мог также встречаться с Варварой Дмитриевной у ее братьев — Николая Дмитриевича, Павла Дмитриевича и Сергея Дмитриевича Киселевых — близких знакомых поэта.

Портрет А. М. Полторацкого, «представляющий его в саду, распоряжающимся при посадке кедра на память одного важного семейного события», написан А. Г. Венециановым. Экспонировался на выставке Академии художеств 1824 года.

ПОЛТОРАЦКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(1792—1855)

Двоюродный брат А. П. Керн. Участник Отечественной войны 1812 года, с декабря 1819 года подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, с 1821 года отставной капитан.

Родители А. А. Полторацкого Александр Маркович (1768—1839) и Татьяна Михайловна, урожденная Бакунина (ум. 1858), с детьми Александром, Михаилом, Константином, Петром жили в поместьях в Новоторжском и Старицком уездах[103]. В 1790 году на средства бабушки А. А. Полторацкого — Агафоклеи Александровны Полторацкой (ум. 1822) в небольшой деревушке Красное Старицкого уезда была по проекту архитектора Ю. М. Фельтена построена Преображенская церковь в псевдоготическом стиле. Церковь полностью повторяет Чесменскую часовню, выстроенную в 1777—1780 годах в Петербурге. Позднее село Красное принадлежало А. А. Полторацкому.

В своих воспоминаниях Керн рассказала о знакомстве с Пушкиным в начале 1819 года у А. Н. и Е. М. Олениных. Здесь же присутствовал Полторацкий, который вместе с

юным поэтом участвовал в играх. «На мою долю,— писала Керн,— выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзинку с цветами, Пушкин, вместе с братом Александром Полторацким, подошел ко мне, посмотрел на корзинку и, указывая на брата, сказал: «Et c'est sans doute Monsieur qui fera l'aspic?» («А роль змеи, как видно, предназначается этому господину?» — *Л. Ч.*) [104]. 30 апреля 1834 года Пушкин писал жене из Петербурга о состоявшейся в этот день свадьбе Полторацкого с Екатериной Павловной Бакуниной (1795—1869). Можно предположить, что Пушкин был приглашен на свадьбу.

Пушкин был также знаком с братом А. А. Полторацкого — Михаилом Александровичем (1801—1836), воспитанником Муравьевского училища для колонновожатых, офицером квартирмейстерской части, занимавшимся военно-топографической съемкой в Бессарабии, в бытность там Пушкина. Ему и его товарищам Пушкин посвятил стихотворение: «Вчера был день разлуки шумной...» (февраль 1822). Позднее, летом 1828 года, Пушкин встретился с М. А. Полторацким в Петербурге у В. Д. Полторацкой и в салоне Олениных.

САВЕЛЬЕВА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА

(1814 или 1815 — не ранее 1868)

Внебрачная дочь И. А. Крылова, выданная им в 1833—1834 годах замуж за чиновника штаба военно-учебных заведений Калистрата Савельевича Савельева. Савельевы и их дети — дочь и сын — жили с конца 30-х годов вместе с Крыловым.

Писатель Л. Н. Трефолев со слов Александры Петровны рассказывал много лет спустя, что «Пушкин посетил Крылова — за день или за два до своей дуэли с Дантесом. Он был особенно, как-то даже искусственно весел, гово-

рил госпоже Савельевой любезности, играл с ее малюткой-дочерью, нянчил ее, напевал песенки».

К. С. Савельеву Крылов оставил по завещанию, подписанному им за день до кончины (8 ноября 1844 года), все свое имущество и право на издание басен и прочих сочинений.

Савельевы купили поместье в Вышневолоцком уезде [105]. Согласно «Журналу 29-го заседания Тверской ученой архивной комиссии сентября 27-го года», тверской музей получил «от приемной дочери И. А. Крылова Александры Петровны Савельевой (жившей в В. Волочке и ныне умершей)» приходно-расходную книгу писателя.

СВЕЧИН НИКАНОР МИХАЙЛОВИЧ

(1772—1849)

Из дворян Тверской губернии. Получил воспитание в Тверском благородном училище. Начал службу в 1791 году сержантом в лейб-гвардии Преображенском полку. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Его портрет — в «Военной галерее 1812 года» (Государственный Эрмитаж). Позднее генерал-лейтенант. С 1829 года в отставке.

Летом 1833 года Свечин сообщил Пушкину о Михаиле Шванвиче и его отце Александре Мартыновиче, и в материалах к «Истории Пугачева» поэт записал: «Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича... (слышано от Н. Свечина)».

СИДОНСКИЙ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ

(1805—1873)

Родился в семье сельского священника в селе Архангельском Новоторжского уезда. Воспитывался в Тверской

духовной семинарии[106]. После окончания духовной академии — протоиерей Казанского собора в Петербурге. Бакалавр английского языка, писатель и философ.

16 марта 1834 года Пушкин, Сидонский и другие лица присутствовали на учредительном собрании «Энциклопедического Лексикона» Плюшара. Здесь Сидонский рассказывал, как московский митрополит Филарет пожаловался шефу жандармов Бенкендорфу на стих Пушкина в VII главе «Евгения Онегина»: «И стаи галок на крестах».

Цензор, которого призвали к ответу по этому поводу, будто бы сказал, что «галки, сколько ему известно, действительно садятся на крестах московских церквей, но что, по его мнению, виноват здесь более всего московский полицеймейстер, допускавший это, а не поэт и цензор».

СОЛЛОГУБ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(1813—1882)

В 1840-е годы Соллогуб пользовался славой одного из лучших русских прозаиков. Его повести, в особенности «Тарантас» (1845), были широко известны, их высоко оценивал Белинский. При Пушкине Соллогуб только начинал свою литературную деятельность. Воспитанник Дерптского университета (вып. 1834). С 1835 года чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел.

Писатель Д. В. Григорович так отзывался о Соллогубе: «Знакомый всем литератор... замечательно одаренный, но также, сравнительно с его блестящими способностями, меньше сделавший, чем бы следовало ожидать».

Знакомство Пушкина с Соллогубом следует, по-видимому, отнести к лету 1831 года, когда «только что женившийся Пушкин» жил в Царском Селе. Позднее они встречались в светских и литературных салонах Петербурга.

В начале 1836 года, во время разговора с Н. Н. Пушкиной на одном из балов, Соллогуб позволил себе неосто-

рожное замечание, которое было перетолковано светскими сплетниками.

Пушкин вызвал его на дуэль, но в эти дни Соллогуб был откомандирован в Тверь в распоряжение гражданского губернатора секретарем комиссии по расследованию деятельности раскольников в Ржеве. Дуэль должна была состояться в начале мая 1836 года в Твери. Пушкин приехал сюда вечером 1 мая и не застал Соллогуба, который утром уехал на два дня в «тверскую вотчину матушки», Софьи Ивановны Соллогуб. Когда Соллогуб вернулся, Пушкина в Твери уже не было, он уехал в Москву. Соллогуб тотчас помчался следом. В Москве Пушкин и Соллогуб встретились, но дуэль удалось предотвратить, друг Пушкина П. В. Нащокин помирил их.

С этого времени начинается постепенное сближение Пушкина и Соллогуба. Осенью того же года Соллогубу пришлось быть свидетелем драмы, окончившейся смертью великого поэта.

Получив в ноябре оскорбительный анонимный пасквиль, Пушкин обратился к Соллогубу с просьбой быть его секундантом в предполагавшейся дуэли с Дантесом. В ноябре дуэль не состоялась, но Соллогуб понимал, что примирение сторон лишь временное. По его словам, Пушкин «в лице Дантеса искал или смерти, или расправы с целым обществом».

На склоне лет Соллогуб написал воспоминания, которые содержат очень ценные сведения о последних месяцах жизни Пушкина и истинных причинах его трагической смерти.

СУСЛОВА АКСИНЬЯ ФЕДОРОВНА

(ум. в 1852)

Нянюшка семейства Петра Ивановича Вульфа. О ней и ее прахе, похороненном на сельском кладбище в Берно-

ве, сообщает К. А. Иванов в «Журнале 73-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 23 февраля 1900 года».

Можно с уверенностью предположить, что Пушкин встречался с этой женщиной, когда гостил в вульфовских имениях.

ТЕПЛЯКОВ ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ

(1804—1842)

Поэт, прозаик, археолог. Родился в Твери и первоначальное образование получил дома. Летние месяцы проводил в имении своего отца Григория Алексеевича Теплякова в селе Дорошиха под Тверью[107]. Из родительского дома одиннадцатилетний Виктор был отправлен в Москву и определен в Благородный пансион при Московском университете. С 1820 по март 1825 года служил в Павлоградском гусарском полку.

Восстание 14 декабря 1825 года застает Теплякова в Петербурге. За уклонение от присяги Николаю I он был заподозрен в политической неблагонадежности, заключен в Петропавловскую крепость и вскоре выслан в Херсон под надзор полиции. Без разрешения властей Тепляков по пути следования около двух месяцев скрытно проживал в селе Дорошиха и в январе 1827 года был выдворен из губернии и отправлен к месту ссылки. В 1827—1835 годах он служил чиновником особых поручений при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе М. С. Воронцове, занимался также археологическими разысканиями в освобожденных от турок областях. Позднее он отправляется на Восток, посещает Турцию и Грецию.

Личное знакомство Пушкина с Тепляковым произошло летом 1835 года. Они посещали друг друга, встречались на «субботах» Жуковского и в литературных кругах сто-

лицы. Пушкин следил за творчеством Теплякова, хвалил его стихотворение «Странники». «Письма русского путешественника из Варны» Теплякова были впервые опубликованы на страницах «Литературной газеты» Дельвига — Пушкина (1830). В рецензии на второй том «Стихотворений Виктора Теплякова» Пушкин подробно разбирает достоинства отдельных стихотворений («Гебеджинские развалины», «Одиночество», «Любовь и ненависть») и отводит автору «почетное место» между современными поэтами.

На творчество Теплякова Пушкин оказал большое влияние, и доброжелатели даже предсказывали, что его поэзия «обещает в себе достойное продолжение таланта Пушкина». Этого не случилось, но свое место в русской поэзии 1820—1830-х годов он занял по праву.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ
(1800—1873)

Сын главнокомандующего в Петербурге и Кронштадте П. А. Толстого. С 1821 года прапорщик кавалергардского полка, в 1826-м — отставной штабс-ротмистр. В последующие годы выполнял различные дипломатические миссии и возглавлял хозяйственный департамент министерства внутренних дел. В 1834—1837 годах — тверской военный губернатор, позднее — обер-прокурор Синода. По словам А. Н. Вульфа, встречавшегося с ним в 1836 году в Твери, Толстой — «человек очень достойный и благонамеренный, с познаниями, приобретенными в путешествиях, в службе военной... очень простой и добрый».

В Тверской губернии, однако, Толстой оставил по себе недобрую славу, заслужив ее борьбой с расколом и принудительным обращением староверов.

В последние годы жизни Н. В. Гоголя Толстой сблизился с ним, и это знакомство, по свидетельству С. Т. Ак-

сакова, было «решительно гибельным» для великого писателя.

А. П. Толстой — петербургский знакомый Пушкина. В дневнике Н. А. Муханова (июль 1832) пересказаны их разговоры о политической ситуации в России, о газете «Дневник», которую собирался издавать Пушкин, об общественной позиции П. А. Вяземского. Летом 1833 года Толстой писал Н. А. Муханову: «Песнь Онегина испрашиваю всенижайше и убедительно. Еще слава идет о каких-то стихах Пушкина, где смерть играет в карты с дьяволом».

После смерти Пушкина Н. А. Муханов обращался к Толстому: «Слухи носятся, что у тебя много хороших стихов покойника. Сделай дружбу, пришли на короткое время».

ТОЛСТОЙ ЯКОВ НИКОЛАЕВИЧ

(1791—1867)

Воспитанник Пажеского корпуса, участник Отечественной войны и заграничных походов. Служил в гвардейском генеральном штабе и с 1817 года — адъютантом при генерале А. А. Закревском.

Родился в Осташковском уезде Тверской губернии. По словам его биографа, «был старшим из трех сыновей богатого тверского помещика Николая Яковлевича Толстого от брака с Алевтиной Ивановной, урожденной Кудрявцевой... Отец его был одновременно осташковским уездным предводителем дворянства; в этом звании он и умер 19 октября 1813 года, оставив жене довольно солидные поместья в Тверской и Новгородской губерниях с 3360 душами крестьян» [108].

В 1823 году Толстой уехал лечиться в Париж. Привлеченный по делу 14 декабря, он предпочел остаться за

границей. Позднее он стал осведомителем русского правительства, фактически — агентом III отделения.

С Пушкиным Толстой познакомился в Петербурге в 1818—1819 годах, по-видимому, на одном из вечеров у драматурга А. А. Шаховского. Гвардейский офицер, Толстой был большим любителем литературы и сам писал дилетантские стихи, объединенные несколько позднее в сборнике «Мое праздное время, или Собрание некоторых стихотворений Якова Толстого» (1821). В ответ на «Послание к А. С. Пушкину» Пушкин посвятил своему приятелю «Стансы»:

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета
Златой Горациев фиал.

Поверь, мой друг, она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений...

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

Осенью 1822 года Пушкин писал Толстому из далекого Кишинева: «Ты один изо всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости, вспомнил обо мне...» Опальный поэт имел в виду общество «Зеленая лампа», где «в колпаке за круглый стол садилось милое равенство». (Фригийский колпак — символ свободы — носили якобинцы в эпоху Великой французской революции, и Пушкин сравнивал этих молодых вольнодумцев с членами якобин-

ского клуба.) Заседания общества происходили на квартирах его председателя Толстого и Н. В. Всеволожского. Здесь читались статьи, рецензии, в том числе стихи и «против государя и против правительства». Пушкин вспомнил в стихотворении «Зеленую лампу», ее собрания, «друзей веселья... и стихов» и в их числе Я. Н. Толстого. В начале января 1837 года Толстой приезжал в Россию и за неделю до кончины Пушкина беседовал с ним о «Зеленой лампе» и о посланиях, которыми они в молодости обменялись.

ТРЕЙЕР

Управляющий имением П. А. Осиповой в Тригорском. В письме от 20 апреля 1826 года из Малинников Анна Николаевна Вульф писала Пушкину: «Пишите мне совершенно спокойно через Трейера, на Торжок: это надежнее, вам нечего бояться, он не знает, чьи письма передает мне; здесь же ваша рука известна».

Позднее в письме к Пушкину от 17 июня 1834 года П. А. Осипова сообщила о нерадивости Трейера и неумении вести хозяйственные дела.

УТКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

(1780—1863)

Один из лучших мастеров русской классической гравюры первой половины XIX века, художник-портретист, создатель портретной галереи выдающихся деятелей своей эпохи: Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова, А. С. Грибоедова, С. И. Муравьева-Апостола, Е. С. Семеновой и других.

Из метрического свидетельства, хранящегося в архиве Академии художеств в Ленинграде, узнаем, что Николай Уткин родился в тверском имении екатерининского вельможи Никиты Артамоновича Муравьева от «крепостной

дворовой женщины» П. И. Уткиной. Будущий художник был побочным сыном Михаила Никитича Муравьева — любителя искусств, писателя, общественного деятеля, попечителя Московского университета. «Законным» отцом Уткина был записан Иван Степанович Уткин, дворовый человек Муравьевых. Мальчик воспитывался с детьми М. Н. Муравьева, будущими декабристами Александром и Никитой. Последние нередко называли его своим братом, но мальчик возражал: «Помилуйте, какой я Муравьев, я просто крепостной вашего батюшки». На шестом году жизни Уткин получил вольную и был определен в Академию художеств, где в течение пятнадцати лет обучался искусству гравирования. За прекрасно выполненный портрет князя А. Б. Куракина он получил звание академика. С 1839 года — профессор Академии художеств.

Еще в 1825 году Пушкин хотел привлечь Уткина к иллюстрированию своего сборника стихотворений, считая его резец самым достойным. Через два года они познакомились. Уткин выполнил гравюру с живописного портрета поэта кисти О. А. Кипренского. Гравюра распространялась отдельными листами и была приложена к альманахам «Северные цветы» на 1828 год, «Подснежник» и ко второму изданию «Руслана и Людмилы».

«Портрет твой в «Северных цветах» чрезвычайно похож и прекрасно гравирован»,— писал Е. А. Баратынский Пушкину в начале марта 1828 года.

Уткин отступил от оригинала и, по отзывам, «вернее, чем живописец, передал выражение глаз поэта». В 1829 году Уткин исполнил маленький, но чрезвычайно похожий портрет Пушкина. Этот портрет, написанный с натуры акварелью на пластинке слоновой кости, был недавно обнаружен в частном собрании. Незадолго до смерти Пушкина Уткин посетил его и по «усиленному настоянию» поэта исполнил портрет, который был приложен к первому тому посмертного собрания сочинений Пушкина (1838).

УШАКОВЫ

Семейство Ушаковых состояло из отца — Николая Васильевича, чиновника Комиссии для строений, матери — Софьи Андреевны, сыновей Василия, Владимира, Ивана и дочерей Екатерины и Елизаветы. В начале 1820-х годов они жили в Твери, где глава семьи служил при принце Ольденбургском.

Пушкин познакомился с семьей Ушаковых зимой 1826 года. Их гостеприимный дом на Пресне посещали известные в Москве литераторы, музыканты и певцы — П. А. Вяземский, В. Л. Пушкин, Н. Д. Иванчин-Писарев, П. И. Шаликов, И. Геништа, Д. Този и другие.

Привлекала поэта хозяйка дома Софья Андреевна. По словам Л. Н. Майкова, Пушкин охотно беседовал с ней и «просил ее диктовать ему известные ей русские народные песни и повторять их напевы. Еще более находил он удовольствия в обществе ее дочерей. Обе они были красавицы, отличались живым умом и чувством изящного» [109].

Семье Ушаковых принадлежало имение Никитское в Калязинском уезде [110] в шести верстах от Калязина, в живописной местности на берегу Волги. Господский дом существовал еще в 1940-х годах. Сохранился парк, в котором памятник Пушкину напоминает о дружбе Ушаковых с великим поэтом.

УШАКОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА

(1809—1872)

На одном из московских балов зимы 1826 года недавно вернувшийся из ссылки Пушкин увидел Ушакову и сильно увлекся ею. Завязалось знакомство. По свидетельству современников, «Екатерина Ушакова была в полном смысле красавица — блондинка с пепельными волосами,

темно-голубыми глазами, роста среднего, густые волосы нависали до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься литературой». В доме все напоминало о Пушкине. На столе его сочинения и ноты на его слова, а «на языке беспрестанно вертится имя Пушкина». По словам сестры Екатерины Ушаковой, Елизаветы, «Катюша ни о чем другом не может говорить, кроме как о Пушкине и его сочинениях. Она их знает наизусть» [111].

И накануне отъезда в Петербург, 16 мая 1827 года, Пушкин написал в альбом Ушаковой стихотворение:

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен,—
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

«Он уехал в Петербург,— писала Ушакова брату через несколько дней,— может быть, он забудет меня... Город опустел, ужасная тоска (любимое слово Пушкина)».

Пушкин появился в Москве только почти через два года и опять зачастил к Ушаковым. «Пушкин бывает у них каждый день»,— читаем в письме знакомца поэта В. А. Муханова к брату от марта 1829 года. Поэт дарит Екатерине Николаевне «Полтаву» и «Стихотворения», заполняет альбом ее младшей сестры Елизаветы Николаевны многочисленными рисунками, карикатурами и надписями, посвященными Екатерине. В ответ на не дошедшее до нас письмо Ушаковой Пушкин писал ей из Петербурга в январе 1830 года:

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракул;
Но по веселой остроте,

Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой,
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву! в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

Друзья и знакомые считали, что Пушкин женится на Ушаковой, что это дело решенное. Однако случилось иначе. Поэт посватался к Наталье Николаевне Гончаровой; после его смерти Екатерина Николаевна вышла за Д. Н. Наумова, причем, уступая требованиям ревнивого жениха, вынуждена была уничтожить свои девичьи альбомы, испещренные рисунками и записями Пушкина.

В старости Ушакова собиралась написать воспоминания. «Когда-нибудь я примусь за это повествование давно минувших дней, преданья старины глубокой и много коечего сообщу любопытного, но теперь ничего не могу писать... Иногда и вспомнишь счастливые минуты молодости, улыбнешься, да в тот же миг махнешь рукой... Мое повествование о Пушкине будет очень любопытно, в особенности описание его женитьбы» [112]. Замысел остался неосуществленным.

УШАКОВА ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА

(1810—1872)

Младшая сестра Екатерины Николаевны.

Увлеченный старшей сестрой, Пушкин питал к Елизавете дружеские чувства за ее живой ум и веселый нрав. Сохранился листок из утраченного альбома Ушаковой, исписанный рукою Пушкина:

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой...

В другом (дошедшем до нас) альбоме Елизаветы остались многочисленные рисунки и записи Пушкина, относящиеся к его владелице и к сестре Екатерине. Постоянная тема карикатур и рисунков — будущая семейная жизнь Елизаветы Николаевны и ее жениха С. Д. Киселева. Поэт рисует ее в чепчике замужней женщины с кошкой на руках — намек на фамилию Киселева, начинающуюся на «кис». После разрыва с Екатериной Николаевной Пушкин продолжал интересоваться судьбой ее младшей сестры и в марте 1830 года сообщал В. Ф. Вяземской о готовящейся свадьбе Елизаветы Ушаковой с Киселевым. «Не поздравить ли тебя с наследником или наследницей»,— писал поэт Киселеву через год после этой свадьбы.

ШИШКОВ АЛЕКСАНДР АРДАЛИОНОВИЧ

(1799—1832)

Поэт, переводчик, автор сборников стихотворений «Восточная лютня» (1824) и «Опыты» (1828), а также переводов из Шиллера, Тика, Вернера и других писателей, вошедших в «Избранный немецкий театр» (1831). Племянник писателя и государственного деятеля А. С. Шишкова.

С января 1816 года Александр Ардалионович служил поручиком в Кексгольмском гренадерском полку, стоявшем в Софии (часть Царского Села) и позднее — в Литовском уланском и других полках.

По словам С. Т. Аксакова, близко знавшего семью Шишковых, «Саша, известный впоследствии в русской лите-

ратуре под именем «Шишкова 2-го», был тогда блистательным очаровательным мальчиком. Много возбуждал он великих надежд своим ранновременным умом и яркими признаками литературного таланта».

Тяжела была судьба Шишкова. За строптивый характер и стихи, проникнутые декабристскими настроениями, его подвергли аресту, содержанию в крепости и высылке под надзор полиции.

В январе 1830 года Шишков вышел в отставку капитаном. Ему было разрешено проживать в Тверской губернии. С марта 1830 года он живет в городе Корчеве [113], а с осени того же года — в Твери.

Здесь Шишков общается со старым другом Федором Николаевичем Глинкой и «видается с ним ежедневно». Попытка Шишкова устроить в Твери театр вызвала гнев А. Х. Бенкендорфа. Всесильный шеф жандармов писал тверскому гражданскому губернатору К. Я. Тюфаеву, что такому человеку, как Шишков, «неприлично и неосторожно давать право на учреждение общественного заведения».

В конце сентября 1832 года в тверском Благородном собрании произошла ссора между Шишковым и поручиком 1-й уланской бригады А. П. Черновым, оскорбившим жену поэта. Не дожидаясь дуэли, Чернов зарезал его на улице. Эта смерть наделала много шума. С. Л. Пушкин писал в эти дни дочери Ольге о трагической гибели «молодого Шишкова, очаровательного поэта».

Пушкин познакомился с молодым поручиком Кексгольмского гренадерского полка в 1816 году и назвал его в одном из писем к нему «царскосельским товарищем». Шишков, в свою очередь, назвал Пушкина «товарищем детских лет и отчасти бурной молодости».

К этому времени относится дружеское послание Пушкина к Шишкову-поэту — эпикурейцу и вольнодумцу:

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...

По словам К. С. Сербиновича, Шишков был «другом Пушкина и подражателем ему не только в стихах, но и в юношеских увлечениях».

В 1823 году Пушкин, в ответ на не дошедшее до нас письмо Шишкова, просит адресата быть с ним «на прежней ноге» и сравнивает свою судьбу опального поэта с судьбой Шишкова.

Можно предположить, что Пушкин и П. А. Вяземский встретились с Шишковым, будучи в Твери 13 августа 1830 года; известно, что они посетили в этот день близкого знакомого Шишкова — Ф. Н. Глинку и беседовали с ним о рукописях З. Я. Ходаковского. Та же тема затрагивается и в письме Шишкова к С. Т. Аксакову, в котором он просит обсудить ее «стороной» с Пушкиным.

В начале октября 1831 года Шишков посылает Пушкину первый том «Избранного немецкого театра» в своем переводе и в письме просит его: «Не забывай меня, милый друг, и сохрани мне хоть сотую долю той дружбы, которой я гордился некогда».

Пушкин был огорчен трагической смертью своего друга и в 1833—1834 годах хлопотал за его жену Екатерину Дмитриевну и дочь Софью, оставшихся без всяких средств к существованию, и принимал деятельное участие в посмертном издании его сочинений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: В 10-ти т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1956—1958, т. 5, с. 564—565. Все пушкинские тексты, включая письма поэта, приводятся в дальнейшем по этому изданию и в примечаниях не оговариваются.

[2] Литературный архив. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938, с. 5.

[3] **Иванов Н. А.** О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии. Тверь, 1899, с. 2—3. В дальнейшем цитируется сокращенно — Иванов.

[4] **Вершинский А. Н.** В вотчине Вульфов в первой половине XIX века.— В наши дни (Калинин) 1936, № 2, с. 76.

[5] **Вульф А. Н.** Дневники: (Любовный быт пушкинской эпохи). М.: Федерация, 1929, с. 205—206. В дальнейшем — Дневники Вульфа.

[6] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1974, т. 2, с. 88. В дальнейшем — Пушкин в воспоминаниях современников.

[7] Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской империи. СПб., 1828, с. 107—116, 940.

[8] **Пьянов А. С.** Мои осенние досуги: Пушкин в Тверском крае. М.: Моск. рабочий, 1979, с. 250—251. В дальнейшем — Пьянов.

[9] Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1952, т. 58, с. 266.

[10] **Цявловская Т. Г.** Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта.— Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л.: Наука, 1966, с. 8.

[11] Документальные данные о знакомстве и встречах Пушкина с Беклешовой.— В кн.: **Черейский Л. А.** Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1975, с. 32. В дальнейшем в отношении других знакомых Пушкина — в примечаниях не оговариваются.

[12] А. С. Борисовой принадлежали имения в Старицком уезде.— Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. М., 1829, № 12631. В дальнейшем — Сенатские объявления. Названия имений Борисовой (и других тверских помещиков) не приводятся и указаны в цитируемых документальных источниках.

[13] Дневники Вульфа, с. 187.

[14] Неделя, 1965, № 47. Экспромт Пушкина, восстановленный по памяти, несомненно искажен.

[15] Иванов, с. 12—13.

[16] **Керн А. П.** Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Художественная литература, 1974, с. 13. В дальнейшем — Керн.

[17] Дневники Вульфа, с. 187.

[18] Как следует из более ранней записи (от 23 ноября 1828 г.). В. Черкашенинова была в Малинниках с Пушкиным, Вельяшевой и «многими барышнями из соседних имений».

[19] Дневники Вульфа, с. 192.

[20] Сенатские объявления, 1837, № 12204; **Чернявский М.** Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год с алфавитным указанием и приложение. Тверь, 1869, № 168. В дальнейшем — Чернявский. А. А. Жандр владел имением в Старицком уезде.— Сенатские объявления, 1830, № 8349.

[21] **Анненков П.** Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, с. 280.

[22] Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Вып. 5. М.; Л.: Academia, 1935, с. 163.

[23] Дневники Вульфа, с. 37, 372.

[24] *Миртильничать* — вести себя, как влюбленный,— от имени Миртила — сына Меркрия, возницы Эномая, влюбленного в Гиподамию и сброшенного в море ревнивым Пелопсом.

[25] Пушкин и его современники, вып. 21—22. СПб., 1915, с. 208.

[26] Цит. по кн.: **Керцелли Л. Ф.** Тверской край в рисунках Пушкина. М.: Моск. рабочий, 1976, с. 117. В дальнейшем — Керцелли.

[27] Кроме села Бернова И. И. Вульф владел и другими имениями в Старицком уезде.— Сенатские объявления, 1837, № 9640.

[28] Дневники Вульфа, с. 207.

[29] Портрет Н. Г. Вульф хранится в фондах Пушкинского заповедника Псковской области.

[30] **Ильин М. А.** Бунт крепостных в селе Бернове в 1827 году.— В кн.: Вопросы биографии и творчества А. С. Пушкина. Калинин, 1979, с. 125—126.

[31] Дневники Вульфа, с. 188, 192.

[32] Сенатские объявления, 1829, № 12631.

[33] Дневник Вульфа, с. 193.

[34] Пушкин в воспоминаниях, т. 2, с. 82.

[35] Кроме сельца Павловского Павлу И. Вульфу принадлежали в Старицком уезде деревни Гремиха, Терихово.— Сенатские объявления, 1835, № 10840.

[36] Пушкин в воспоминаниях, т. 2, с. 81—82.

[37] Сенатские объявления, 1829, № 14086.

[38] Дневники Вульфа, с. 206—207.
[39] Ручной дорожник, для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами. СПб., 1801, с. 84—85.
[40] Поэзия декабристов. Л.: Советский писатель, 1950, с. 590—591. (Б-ка поэта. Б. серия).
[41] Северные цветы на 1832 год. М.: Наука, 1980, с. 385.
[42] **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: В 16-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1937—1949, т. 14, с. 200. Все письма к Пушкину приводятся в дальнейшем по этому изданию (т. 13—16) и в примечаниях не оговариваются.
[43] **Глинка Ф. Н.** Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957, с. 425.
[44] Сенатские объявления, 1830, № 12751; Чернявский, № 384.
[45] Пушкин в воспоминаниях, т. 2, с. 88; Русская литература, 1967, № 2, с. 163.
[46] Сенатские объявления, 1843, № 19462—19467; Чернявский, № 553.
[47] **Пассек Т. П.** Из дальних лет: Воспоминания, т. 2 [Л.]: ГИХЛ, 1963, с. 24.
[48] Дневники Вульфа, с. 373.
[49] Иванов, с. 12—13.
[50] Пушкин в воспоминаниях, т. 2, с. 88—89.
[51] Дневники Вульфа, с. 204—205.
[52] **Тимофеев Л. В.** Пушкин и П. А. Оленин.— Временник Пушкинской комиссии. 1977, Л.: Наука, 1979, с. 118—126.
[53] Керцелли, с. 179—181.
[54] Пушкин и его современники. Вып. 1. СПб., 1903, с. 142.
[55] Иванов, с. 5—6.
[56] Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1952, т. 58, с. 84.
[57] Свод запрещений и разрешений на имения владельцев Российской империи, 1833, № 19817—19822. В дальнейшем — Свод запрещений.
[58] Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь, 1865, с. 103.
[59] Пожарским принадлежал «каменный двухэтажный дом с землею и имеющимся позади оного деревянным домом».— Сенатские объявления, 1832, № 1244.
[60] **Полторацкий В. А.** Воспоминания.— Исторический вестник, 1893, № 1, с. 48—49.
[61] Пьянов, с. 248—249.
[62] Сенатские объявления, 1831, № 1133; 1835, № 2044.
[63] Утверждение А. Н. Понафидиной, что «балованными» детьми были Николай, Иван и Михаил, лишены основания, так как в

1828 году им было 9—11 лет. Это могли быть четырехлетняя Наталья и шестилетняя Екатерина.

[64] Временник Пушкинской комиссии. 1963. Л.: Наука, 1966, с. 5—30.

[65] Цит. по кн.: Пьянов, с. 191—192.

[66] Там же, с. 205.

[67] Юность, 1979, с. 88—92.

[68] Пушкин в воспоминаниях, т. 2, с. 80—83.

[69] П. И. Черкашенинова действительно владела в Старицком уезде деревней Сверчково.— Сенатские объявления, 1838, № 20302; Чернявский, № 1334.

[70] Эгерштрому принадлежали и другие имения в Старицком уезде.— Сенатские объявления, 1830, № 17201; 1836, № 16129.

[71] Журнал 89-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 12 декабря 1902 года, с. 25.

[72] Сенатские объявления, 1830, № 6151; 1835, № 19179.

[73] Верный путь (Старица), 1964, 6 июня.

[74] Русский биографический словарь, т. Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб., 1900, с. 575; Чернявский, № 77.

[75] **Вяземский П. А.** Полное собрание сочинений: В 8-ми т. СПб., 1880, т. 8, с. 481.

[76] Сенатские объявления, 1829, № 5625; Чернявский, № 82.

[77] Русский архив, 1872, с. 1946; 1898, с. 480.

[78] Сенатские объявления, 1830, № 7587; 1834, № 16078, 16079; Чернявский, № 166.

[79] **Панаев И. И.** Литературные воспоминания. Л.: ГИХЛ, 1950, с. 152—153.

[80] **Корнилова А. В.** Алексей Гаврилович Венецианов. Л.: Искусство, 1980.

[81] Свод запрещений, 1833, № 19817—19822; Пушкин и его современники. Вып. 1. СПб., 1903, с. 99.

[82] Сенатские объявления, 1837, № 17073, 17078; **Снегирев И. М.** Собор в селе Микулино Городище. М., 1851, с. 3—11; Чернявский, № 271В.

[83] Исторический вестник, 1894, № 12, с. 776—777.

[84] Русский биографический словарь, т. Дабелов — Дьяковский. СПб., 1905, с. 24; Чернявский, № 313.

[85] Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902, с. 222—223.

[86] Цит. по кн.: **Павлов Н. П.** Русские писатели в нашем крае. Калинин, 1956, с. 29.

[87] Литературное наследство. М.: Наука, 1982, т. 91, с. 363.

[88] Писатели-сатирики конца XVIII — начала XIX века. Л.: Советский писатель, 1959, с. 305. (Б-ка поэта. Б. серия).

[89] Керн, с. 103—104.

[90] Сенатские объявления, 1831, № 10000.

[91] **Ацаркина Э. Н.** О. Кипренский. М.: Изд-во Государственной Третьяковской галереи, 1948, с. 78—80.

[92] Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. М.: Изд-во АН СССР, 1935, с. 67—68.

[93] Поэты 1820—1830-х годов. Л.: Советский писатель, 1972, т. 1, с. 364—365. (Б-ка поэта. Б. серия).

[94] Сенатские объявления, 1837, № 17043; Чернявский, № 578А.

[95] **Крылов И. А.** Сочинения. М.: ГИХЛ. 1946, т. 2, с. 276.
1946, т. 2, с. 276.

[96] Северная пчела, 1846, № 292.

[97] Русский биографический словарь, т. Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903, с. 551.

[98] Пушкин в воспоминаниях, т. 1, с. 182.

[99] Там же, т. 2, с. 330.

[100] Сенатские объявления, 1832, № 10914; 1837, № 17079. **Шереметев С.** Лотошино. М., 1899. Усадебный дом Мещерских в селе Лотошине не сохранился. Как он выглядел в пушкинское время, можно судить по акварели художника Жерена. Воспроизведено в книге: **Ободовская И., Дементьев М.** Пушкин в Яропольце. М.: Советская Россия, 1982, с. 64—65.

[101] Русский биографический словарь, т. Плавильщиков — Примо. СПб., 1905, с. 75.

[102] Утро: Литературный и политический сборник. М., 1866, с. 154—155.

[103] Чернявский, № 927; Сенатские объявления, 1829, № 14072, 14100; Верный путь (Старица), 1971, 5 июня.

[104] Керн, с. 30.

[105] Чернявский, № 1040.

[106] Русский биографический словарь, т. Сабанеев — Смыслов. СПб., 1904, с. 418.

[107] Там же, т. Суворова — Ткачев. СПб., 1912, с. 479; Чернявский, № 1182; **Вацуро В. Э.** К биографии В. Г. Теплякова.— В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983, т. XI, с. 192—212.

[108] Русская старина, 1899, № 9, с. 587; Чернявский, № 1203В; Сенатские объявления, 1829, № 5657.

[109] **Майков Л.** Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, с. 362.

[110] Сенатские объявления, 1831, № 10004; 1835, № 335; Чернявский, № 1256.

[111] Русский архив, 1912, № 3, с. 300.

[112] Литературное наследство, М.: Изд-во АН СССР, 1952, т. 58, с. 97.

[113] Сенатские объявления, 1829, № 9522.

ИБ № 2732

Лазарь Абрамович Черейский

ПУШКИН И ТВЕРСКОЙ КРАЙ

Заведующий Калининским отделением
В. Захаров
Редактор *В. Исаков*
Художник *Э. Розен*
Художественный редактор *А. Беднарский*
Технический редактор *Л. Маракасова*
Корректоры *И. Попкова, В. Чеснокова*

Сдано в набор 12.09.84. Подписано к печати 04.02.85. ЕА05080. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 7,26. Уч.-изд. л. 6,42. Тираж 25 000 экз. Заказ 4852. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Московский рабочий».
101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульвар, 8.

Калининское отделение.
170000, Калинин, ул. «Правды», 25.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

30 коп.